ОГОНЕК

1

В номере: Маркс и Энгельс на шекспировских чтениях ★ Война в горах Албании ★ Рассказы германских и английских летчиков ★

Новый год над Европой

Рисунок худ. Л. Бродаты

На обложке: Фото Я. Халипа

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

19-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОГОНЕК

Выходит три раза в месяц

№ 1 (724)

Пятница, 10 января 1941 года

В НОМЕРЕ:

Домбайская поляна — одно из красивейших мест Кавказа. Зимой она покрыта снегом, который сверкает под теплым южным солнцем. Здесь, в Домбайской поляне и окружающих ее горах, тренируются мастера горнолыжного спорта.

На снимках: (вверху) — утренняя зарядка студентов военного факультета Инфизкульта имени Сталина. В центре (справа) — спасательная станция. Слева—мастер СССР по лыжам В. Арчвадзе и рекордсмен СССР по лыжам И. Булочкин за утренним туалетом на берегу горной реки. Внизу — Нина Дубинина (справа) и Мира Орлова—мастера СССР по лыжам.

Фото В. Руйкович.

М. Зоркий

ВЕЧЕРА «ДОГБЕРРИТОВ»

(Маркс и Энгельс в «Клубе шекспировских чтений»)

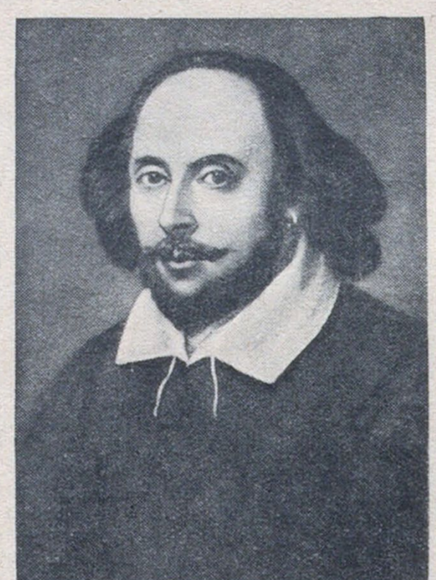
I

Маркс и Энгельс были горячими почитателями шекспировского гения. Суждения Маркса и Энгельса о величайшем из драматургов остаются подлинным ключом к пониманию шекспировского наследия. Маркс советовал Лассалю, пытавшемуся создать историческую драму, «больше шекспиризировать», понимая под этим шекспировскую живость и насыщенность действия, богатство и сочность красок, меткость, глубину и страстность в характеристике общественных отношений.

Драматургия в целом была предметом особого внимания и любви в доме Маркса. По свидетельству друзей, Маркс ежегодно перечитывал Эсхила в греческом подлиннике. Испанец Ансельмо Лоренсо, посетивший Маркса осенью 1871 года, поражался тому, как основательно знал Маркс корифеев испанского театра: Кальдерона, Лопе-де-Вега, Тирсо-де-Молина. Маркс в совершенстве знал немецкую драматургию.

Но вершиной театральной культуры Маркс считал, конечно, Шекспира. Лафарг говорит в своих воспоминаниях, что «в семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга». Маркс не просто читал, но специально штудировал Шекспира; он, в частности, самостоятельно составлял своего рода таблицы идиом, изучал лексику и синтаксис Шекспира. По словам Лафарга, Маркс «знал... самых незначительных персонажей Шекспира». Многочисленные упоминания шекспировских героев и цитаты из Шекспира в книгах, статьях и письмах Маркса отражают эту любовь к Шекспиру и знание его. В полемических произведениях Маркса особенно часто фигурирует Фальстаф.

Эту страсть Маркса целиком разделял и его великий друг Энгельс. Как и Маркс, он считал, что авторы исторических драм должны учиться у Шекспира рисовать «фальстафовский фон», на котором стремительно развертывается действие; как и Маркс, Энгельс восхищался жизнью и движением, бурлящими в пьесах Шекспира.

Уильям Шекспир.

Дочь Маркса — Элеонора.

Свою любовь к Шекспиру Маркс сумел передать своим детям. Лафарг уверяет, что все три дочери Маркса знали Шекспира наизусть. Во время семейных воскресных прогулок в Хемстед-Хис, в Лондоне (замечательный рассказ об этих прогулках содержится в воспоминаниях Вильгельма Либкнехта), Маркс читал наизусть целые сцены Шекспира, причем его нередко сменяли дочери и жена его, Женни Маркс. Что касается последней, то и она была, по словам Либкнехта, «превосходным знатоком Шекспира».

II

Увлечение Шекспиром наложило особую печать на жизненный путь младшей дочери Маркса, Элеоноры (в семье и в дружеском кругу все ее именовали «Тусси»). Здесь увлечение перешло в экзальтацию: Элеонора Маркс в течение некоторого времени сохраняла твердое намерение целиком посвятить себя театру. Она даже брала уроки сценического искусства у миссис Германн Везин и собиралась воплотить на сцене образы шекспировских героинь. Это намерение не осуществилось, и Элеонора Маркс вошла в историю не в качестве трагической актрисы, а в качестве одной из активнейших деятельниц английского рабочего движения 90-х годов.

Но в начале 80-х годов, о которых ниже и будет речь, Элеонора Маркс занималась больше всего вопросами театра. В кругу ее друзей наибольшим признанием пользовалось имя знаменитого режиссера и актера того времени — Генри Ирвинга. Наиболее блистательным был Ирвинг именно в шекспировском репертуаре. Ирвинг выступал на крупнейших сценах не только Англии, но и Америки вместе с другой знаменитостью тех лет — актрисой Эллен Терри (матерью Гордона Крэга). До чего доходило увлечение Ирвингом в дружеском кругу Тусси, видно из того, что Эдуард Эвелинг (в 1883 году ставший мужем Элеоноры) еще много лет спустя в одной из своих статей назвал имена трех людей, наиболее импонировавших ему: Маркса, Дарвина и... Ирвинга.

В начале 80-х годов кружок молодежи, деятельной участницей которого была Элеонора Маркс, организовал дружеский «Клуб шекспировских чтений», который носил также название «Догберри» по имени одного из комических персонажей пьесы «Много шуму из ничего». Одна из участниц этого клуба, Марианна Гомин, оставила о нем воспоминания, представляющие значительный интерес для биографии Маркса и Энгельса [1].

В число участников этого клуба входило также несколько молодых английских драматургов и поэтов, в том числе Эдуард Боуз и Генри Джута; актерская молодежь, среди которой автор воспоминаний называет Долли Бедфорд, а также мисс Райт, прославившуюся своей игрой в ибсеновских произведениях; в списке «догберритов» состоял и Энгельс.

Элеонора Маркс в то время занималась Шекспиром всерьез. Дело не исчерпывалось тем, что коллективно приобретались билеты на все новые постановки, особенно на премьеры Ирвинга (на закупку билетов шли взносы в клуб «Догберри» [2]. Элеонора, состоявшая кроме того членом обществ Шелли и Броунинга, целыми днями сидела в Британском музее, изучая историю литературы и театра. Одно время она специально штудировала в Британском музее под руководством доктора Ферниваля ранние произведения Шекспира.

Гомин так рисует облик Элеоноры Маркс тех лет: «Она страстно восхищалась или отчаянно презирала, пламенно любила или неистово ненавидела. Никогда ей не нравилась середина. Она обладала изумительной живостью, необычайной восприимчивостью и была самым веселым существом на свете в те дни, когда не была самым несчастным... Внешность ее поражала: Элеонора не была красавицей в точном смысле слова, но ее сверкающие глаза, яркие черты лица, волна темных локонов создавали своеобразное впечатление красоты».

Элеонора Маркс была, конечно, пламенной сторонницей той теории, которая была создана ее отцом. «Политические убеждения ее отца, — по словам Гомин, — она приняла целиком». Гомин находила, что Элеонора «была даже несколько нетерпелива с теми, кто отличался от нее в этом. На дамские совершенства викторианских дней она изливала гнев и презрение».

Элеонора Маркс была душой «Клуба шекспировских чтений».

[1] Выдержки из этих воспоминаний будут опубликованы на русском языке во втором издании сборника «Воспоминания о Марксе», подготовляемом «Молодой гвардией».

[2] На одной из премьер клуб «Догберри» поднес Ирвингу лавровый венок; этот венок вручила Ирвингу по поручению клуба Элеонора Маркс.

Знаменитый английский режиссер и актер Генри Ирвинг в роли Уолсея (пьеса Шекспира «Король Генрих VIII»).

пира в Германии. Элеонора при этом однажды напомнила о том, как много сделали Лессинг и Виланд для ознакомления немцев с Шекспиром.

Чтения обычно сопровождались непринужденным весельем: играми, пантомимами, шарадами,— и Маркс, как рассказывает Гомин, искренно наслаждался этим весельем. Он был «идеалом зрителя», о котором мечтали актеры-«догберриты», так как «никогда не критиковал»... Зато смеялся до слез, когда участникам пантомимы или импровизированной пьесы удавался какой-нибудь комический трюк. «Самый старший по годам, он был,— пишет Гомин,— молод духом, как любой из нас».

К числу членов клуба, как уже было сказано, принадлежал и Энгельс. Энгельс тоже подкупал молодежь своим глубоким знанием Шекспира, своим живым участием в ее серьезных занятиях и в ее веселье, своей неизменной добротой и жизнерадостностью. Гомин вспоминает об одном вечере, который был устроен Энгельсом у себя дома для «догберритов». «Как хозяин,— заявляет Гомин,— Энгельс тоже был восхитителен».

★

Воспоминания Гомин содержат очень любопытные штрихи, дополняющие во многих частностях и деталях то, что нам известно о доме Маркса, о его семье, образе жизни Маркса, посетителях его дома. Гомин и не пытается рассуждать о теоретических трудах и о революционной борьбе Маркса и Энгельса. Да это и к лучшему. Ряд мелких замечаний Гомин выдает в ней безнадежно ограниченную английскую мистрисс — обломок викторианских времен. Случилось так, что именно ее воспоминания являются единственным источником, воскрешающим давно забытую историю «догберритов», читавших Шекспира у Маркса, на Мейтленд-Парк-Род.

Нетрудно объяснить, почему постоянным местом этих чтений был тот дом на Мейтленд-Парк-Род, в Лондоне, который сохранится в памяти людей не только как дом, где жил и творил Маркс, но и как штаб-квартира международной пролетарской армии.

III

По уставу клуба, шекспировские чтения должны были происходить раз в две недели поочереди у каждого «догберрита». На деле вышло так, что клуб почти всегда собирался в доме Маркса. Гомин объясняет это тем, что Маркс и вся его семья с живым интересом относились к деятельности клуба. Молодым почитателям шекспировского гения легко дышалось в этом доме, где так много читали и так высоко ценили Шекспира.

На первом собрании клуба, на котором присутствовала Гомин, читали «Короля Джона», и так как в чтении полагалось участвовать всем членам общества, то на долю автора воспоминаний выпала роль юного принца Артура. «Но эта роль была очень маленькой,— пишет Гомин,— а мое внимание было приковано не столько к моим царственным речам, сколько к фигуре хозяина дома, сидевшего в конце длинной двойной комнаты. Он представлял собой чрезвычайно мощную и властную личность».

Неизменным слушателем шекспировских чтений была и жена Маркса. К тому времени перенесенная ею тяжелая болезнь, а также годы лишений наложили печать на лицо Женни. Но она попрежнему была, отмечает Гомин, **«обаятельной, чарующей женщиной»**.

Маркс много беседовал с «догберритами», и больше всего, разумеется, о Шекспире. Он любил говорить о популярности Шекс-

Маркс с семьей на прогулке в окрестностях Лондона.

Рисунок худ. Н. Жукова

А. Эрлих.

В поисках радости

В тот вечер только одна скамья была занята во всем сквере. Янек и Зося молча сидели под деревом, ронявшим листья свои, как слезы. Четвертый год пошел с тех пор, как они, прячась от дождя под чужими воротами, робко поцеловались, вдохнув вместе со свежестью губ и щек на ветру запах своих стареньких, истрепанных пальтишек с поднятыми от непогоды воротниками. И все эти годы они напрасно мечтали о жизни вдвоем, в недорогой комнатке, где будут белые занавески на окнах, цветы в горшках, лампа под синим абажуром и где в овальном зеркале над комодом непременно отразятся два подсвечника с толстыми венчальными свечами, которые они сберегут на всю жизнь.

Комнат было сколько угодно, но нигде нельзя было найти работы. Янеку повезло лишь в самые последние дни: отец чудом пристроил его подручным приказчиком в польский «склеп» мануфактурных товаров пана Стишевского. Когда это стало известно, Янек и Зося всю ночь бродили, не замечая усталости, по всему Вильно. Они подымались к вокзалу, спускались к реке, уходили в далекие переулки, возвращались к центру. На старинной и пустынной улице Гуана, с густыми ивами, где далеко тянулась глухая стена и высились в конце стены тяжелые ворота из железных копий, перевитых цепями, они кинулись в объятия друг другу. Иезус-Мария, уже не «когда-нибудь», не через два—три года, а по истечении первого же месяца службы, почти завтра наступит желанная радость!

— Зося,— говорил он, сжимая ей руку,— отец хорошо знает пана Стишевского. Это очень богатый и очень хороший человек. И дело у него прочное... Зося! — повторял он, заглядывая ей в глаза с нежностью и мольбой.

— Ну что, Янек! — шептала она, посмеиваясь и ежась.— Ну что? Смотри, я тоже не успеваю освежать себе губы языком.

Но еще до первой получки разразилась война с Германией, а потом ринулась с востока Красная Армия, и пан Стишевский, попрятав все свои товары, сбежал неизвестно куда. Конечно, у него не нашлось времени рассчитаться со служащими.

Янек был в отчаянии. Вместе с другими он рыл, по приказанию коменданта, окопы в городе. Здесь, в этом самом сквере, он готовил укрепления против русских, растоптавших все его надежды. Он рыл и плакал. С лицом, искаженным от горя и злобы, он выбрасывал поверх окопа лопату за лопатой...

И вот сидят теперь двое молодых людей в опустевшем, мокром осеннем сквере. Они молчат, им нечего больше сказать друг другу.

Прошли мимо три гимназистки в беретах и с ними два мальчика в распахнутых ученических шинелях с номерными нашивками на рукавах. Девочки говорили о школьном бале, который состоится у них через несколько дней, а их юные кавалеры заранее огорчались, что будет, наверное, опять мало пригласительных билетов.

Прошли два солидных коммерсанта в котелках и с палками. Один сокрушенно покачивал головой, а другой громко убеждал не терять бодрости.

— Так мы будем брать за товар три раза столько! — шумел он, энергично тряся палкой.— В чем дело? Так мы будем брать пять раз столько!

По ту сторону сквера в тумане светили круглые, налитые молочным светом фонари. Подобные детским воздушным шарам на ниточках, они покачивались на ветру, готовые вот-вот оторваться и понестись к небу в вольном полете. Радужная от тумана и огней дверь кафе «Жорж» то и дело обнажала за собой тесное оживление, смех и гул.

— Польша сгинела, — сказал Янек.— Не стало Польши, а все идет своим чередом.

Зося не произнесла и звука в ответ и только подняла худенькое, бледное личико с сухим взглядом и с крепко сжатыми губами.

Жизнь в самом деле шла своим чередом. Весь город толкался дни и ночи на улицах. Ежеминутно возникали митинги на всех перекрестках. И Янека тянуло сюда. И Янек с жадностью прислушивался к разговорам. Он всему удивлялся и ничему не верил. «Все пропало!» — шептал он всякий раз, отходя прочь от толпы, ищущей надежд и утешений.

Но однажды ему посчастливилось увидеть казака на углу улицы Новый Свят. Высокий и грозный казак придерживал изнутри полы бурки рукой, с которой свисала на ремешке тяжелая плеть, и долго рассматривал темный костел с фигурой Христа над порталом. Потом он улыбнулся собравшейся поодаль толпе.

— Вы что затихли? Или испугались? — спрашивал он, одним движением сразу и прилаживая бурку на плечах поудобнее и подзывая ближе к себе народ.— Казак. Правильно. А только бояться нечего. И казак нынче другой пошел. И от казака нынче ничего, кроме хорошего, не ждите.

И опять пошли среди улицы долгие разговоры о жизни и порядках на советской стороне. Пока взрослые обсуждали свое будущее, мальчики с вожделением рассматривали невиданную одежду великана. Набравшись дерзости, они вскоре безнаказанно пробовали бурку наощупь, а там осторожно раздвинули ее твердые края (казак не рассердился, он и не сопротивлялся нисколько, он даже поощрял детишек дружелюбным спокойствием и покорностью), дети раскрыли бурку и при общем веселом оживлении любовались поясом, плеткой, лампасами, сапогами, петлицами... Два ромба! Люди уже научились понимать знаки различия и теперь, увидев два ромба, почтительно зашептались: с ними беседовал запросто сам командир казачьего корпуса!

Встреча с этим казачьим командиром сломила глухое предубеждение Янека. Волнуясь, он говорил в тот вечер Зосе:

— Неужели и этот врет? Не может быть!.. Он такой ладный, такой добрый с народом. Ребятишки с ним, как со старшим братом, который на побывку приехал... А что, если правда? Все, что они говорят про свою жизнь, может быть, и правда, а? Зося, а вдруг правда?

С этих пор он доверчиво примыкал к каждой митингующей кучке. Прослышав о каком-нибудь собрании, он непременно шел туда, хотя бы это было на самом краю города. Теперь он всегда казался очень занятым человеком, которому ежедневно приходится решать необыкновенной важности дела.

— Ты хотела бы стать геологом?— спросил он однажды Зосю.

— Я не понимаю, что это такое... Как ты сказал?

— Геологом. Это, видишь ли ты, надо ездить в далекие края, забираться глубоко под землю, искать уголь, нефть, золото... Я бы очень хотел стать инженером-геологом.

— Да, конечно, это было бы очень хорошо.

Зося слушала его очень внимательно: милый Янек, он дает себя обманывать, он утешается безумными надеждами, но это только из одной лишь нежности к ней. Она сочувственно слушала его и тихо улыбалась, косясь на босые ноги друга: вот у него уже нет больше башмаков, они развалились от этих бесконечных хождений с одного собрания на другое.

— Конечно, хорошо быть геологом,— сказала она,— но я думаю то, что мы с тобой не отказались бы от любой работы, лишь бы за это платили хоть немножко. Правда?

— Когда человеку предлагают бифштекс, он перестает думать о черством хлебе,— ответил Янек серьезно, но тут же начал раскачиваться с деланной развязностью из стороны в сторону, как это бывает с малыми ребятами в порыве внезапного смущения.— Что ты все смотришь мне на ноги? — спросил он.— Я отдал свои башмаки в починку. Ничего не значит... У меня нет башмаков, но теперь это не помешает мне стать инженером.

— Конечно, не помешает,— сказала Зося и поцеловала его.— Только вот что. Становится холодно к ночи, и я очень боюсь, как бы не простудился босой пан инженер.

Она простилась с ним. Вернувшись домой, она быстро разделась и уткнулась лицом в подушку, чтобы поплакать неслышно, тайком от отца. Нет, не придется ей жить вместе с Янеком, не будет у них своей комнатки с тюлевыми занавесками на окнах и с овальным, наклонно висящим зеркалом, в котором могли бы отразиться толстые венчальные свечи...

И вдруг случилось чудо: на афишных тумбах простые листки, вырванные из ученических тетрадей, говорили о неслыханном: требуются инженеры, нужны педагоги, ищут слесарей, зовут чернорабочих...

Неужели так просто: каждый может пойти по указанному адресу и получить работу?

Молодые люди, сами того не заметив, оказались возле здания магистрата, охраняемого у подъезда двумя красноармейцами.

Неужели так просто: надо только войти в это здание, и человек выйдет оттуда счастливым?

Матка-боска! Если все это окажется правдой, Янек будет вспоминать этот миг через пять и через десять лет. Всю жизнь он будет помнить, какое было рыжее солнце, какое нежное облако плавало в синем октябрьском небе, как торжественно выглядели красноармейцы в шлемах, неподвижно стоявшие на часах у входа, и как скучала старая еврейка под ближайшими воротами, склонившись в ожидании покупателей над своей корзиной с яблоками.

Пусть Зося подождет здесь, на улице, одну минуту. Только одну минуту! Он поднимется наверх, он только проверит, удостоверится... Конечно, это не может быть так просто.

Он вернулся к Зосе почти тотчас же, ошеломленный и ликующий.

— Да!—крикнул он.—Можно выбирать!

Это удивительно, но это правда. Его глаза блуждали. Казалось, он прислушивался ко множеству голосов, звучавших отовсюду, и каждый голос торопился передать ему правду о счастье.

Он подхватил Зосю под руку, он почти бежал, девушка едва поспевала за ним на своих каблучках.

— Видишь! Я же говорил тебе... Нет, теперь нет ничего невозможного. Все правда, все, что они говорят... Понимаешь, работы всякой так много, что можно выбирать...

Да, можно чинить дороги, либо засыпать окопы, или ездить по селам, как продовольственный агент, или... Одним словом, есть много, очень много разных предложений. Временная служба? Да, повидимому, это временный заработок. Но люди говорят, что все фабрики и все заводы будут расширяться и потом еще непременно начнут строить новые фабрики. Что

(Окончание см. на стр. 6)

Сергей Васильев

НА ЛЫЖАХ

Весь в кристаллинах и в искрах
ясный,
зимний день...
Ну-ка, скоро,
ну-ка, быстро
пару пьекс надень.
Ветерок сугробы лижет.
Сколько снегу —
глянь!
На испытанные лыжи,
чуть пригнувшись,
встань.
Обведи поляну глазом,
сердцем окрылись,
оглянись назад —
и разом
с места оторвись!
То ли круча,
то ли яма
Встала на пути —
обязательно,
упрямо
одолеть, пройти!
То ли пустошь,
то ли ельник,
то ли березняк,
то ли частый можжевельник —
шире
вольный
шаг!
Кто-то едет по дороге —
сбоку обгони.
Хитрый пень летит под ноги —
ловко обогни.
Может выйти,
может статься
сквозь метель-пургу
за врагом
придется гнаться —
не уйти врагу!

Фото М. Озерского

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

(Окончание)

же все это значит? Почему вдруг стали так нужны живые человеческие руки?

Так говорил Янек, и вдохновенным ветром холодило ему голову и спину.

— Что же ты выбрал? — спросила Зося.

И тогда, остановившись, он изумленно посмотрел на нее.

— То есть, я хочу спросить,— продолжала она,— за какую работу ты решил взяться?

— Какая работа?

В самом деле, что же он выбрал?

— Кажется... Погоди. Мне кажется, я ничего не успел сказать им,— виновато пробормотал Янек.

Они были уже далеко от магистрата, в самом конце Немецкой улицы.

Да, он хорошо припоминает теперь: едва услышав, что можно взяться за любое дело, он кинулся на улицу, он поспешил к Зосе, так ничего и не сказав им. Но это еще ничего не значит. И завтра можно успеть. Завтра они отправятся вместе и оба получат работу. Да, да, и Зося тоже. Потому что нужны и мужчины и женщины одинаково. А можно и сейчас вернуться, не откладывая на завтра.

— Вернемся? — спрашивал Янек.

Оба смеялись над этой историей. Они смеялись так шумно, что прохожие оборачивались на них с любопытством.

И не знал Янек, никак не мог он предполагать, что его ожидает еще одно испытание, последняя проба веры и духа.

В вечерний час с высоты уличного столба вместе с гулом и хрипом многоверстных пространств из черного зева радиорупора сказано было о справедливости, восстановленной Красной Армией: Вильно передается Литве.

Весь город затих в ту минуту. И Янек с Зосей, потрясенные, бледные, стояли, запрокинув головы, ожидая с воздуха каких-нибудь новых слов, каких-нибудь утешительных обещаний или пояснений.

Рупор смолк.

Как же будет с Янеком? Литва получает из рук Красной Армии свою столицу. А что получит Янек?

Рупор молчал.

Зося положила руку на плечо друга. Он не шевельнулся, вряд ли даже почувствовал ее прикосновение.

— Все будет хорошо.

Янек вздрогнул, озираясь. Нет, рупор попрежнему молчал.

— Иначе не может быть,— утешала его Зося, как могла.— Нам будет хорошо. Об этом уже позаботятся. Это правда, Янек. Иначе не может быть.

— Должно быть, так,— согласился он, но тут же с сомнением и грустью покачал головой.— Уже неизвестно,— сказал он,— что меня ждет завтра в магистрате. Думается, что фабрики уже расширяться не будут... Польские или литовские богачи, какая разница? Я боюсь, станут ли теперь торопиться с починкой дорог.

— Нет, как ты можешь сомневаться! — воскликнула она.— Разве город не изрыт повсюду? И разве на дорогах не разрушены все мосты? Нельзя же все это так оставить!

— Конечно, нельзя,—рассеянно сказал он и вдруг как бы очнулся, как бы вырвался из крепкого оцепенения.— Все зависит от нас самих,— решительно заявил он.— Не надо только бояться. Зося, мы ничего не должны бояться.

— Я и не боюсь. Столько времени ждали, Янек, подождем еще немного.

— Нет, нет только не это. Нельзя больше терять ни одной минуты. Ничего не бойся, Зося.

Он с силой повлек ее за собой.

Два часа спустя, сопровождаемые испуганными стариками, они спешили на вокзал. Еще издали, еще с площади, полной извозчиков в ливреях и с длинными бичами, они услышали кипение и гул толпы. Веселые песни на всех языках края гремели над вокзалом. Оказывается, Янек и Зося вовсе не были здесь единственными беглецами. Белоруссы, украинцы, русские, поляки, евреи штурмовали поезд на юг. Казалось, вся молодежь покидает налегке родные места. Паровоз кричал добродушно и хрипло, точно жалуясь в шутку: «не мо-гу-гу-гу-у-у-у!» Длинный поезд был буквально облеплен пассажирами. Янеку удалось кое-как втиснуть Зосю в купе, а сам он взобрался наверх, на крышу вагона, умостился подле вентиляционной трубы, среди десятков других молодых ребят. Он крикнул оттуда старикам и помахал им платочком.

Два старика — отец Янека и отец Зоси,— очень похожие, в одинаковых картузиках с лакированными козырьками, с одинаковыми желтыми, пахучими от табака бородами, с одним и тем же выражением бессилия и окаменелости на лицах, стояли на перроне, крепко держась за руки.

Молодежь ликовала и пела, собираясь уезжать,— все равно куда, в любое место, где только останется навсегда Красная Армия.

Два старика стояли неподвижно: один не сводил глаз с крыши вагона, а другой — с окошка купе. Потом они оба сразу вздрогнули, потому что земля сдвинулась под ними и поплыла, весь поезд замахал вдруг платками, шляпами, фуражками. Уже не найти было ни Янека, ни Зоси. Розовый от огней дым клубился и пропал в стылом воздухе, и в тумане, в песнях, в гуле и стуке мелькали тысячи рук, посылающих прощальные приветы.

Перрон опустел. Старики сняли картузики и одинаковым жестом отерли одинаковые лысины.

— Да,— со вздохом произнес тогда отец Янека,— не видать нам больше детей.

— Не видать, нет...— согласился и отец Зоси.

Они не могли знать, что не пройдет и года, как дети вернутся к ним, в Советскую Литву, в родной советский город Вильно.

В пути.

Фото В. Федосеева, отмеченное дипломом 1-й степени на второй выставке работ ленинградских фотомастеров.

Павло Тычина

ФЕДЬКОВИЧ У ПОВСТАНЦА КОБЫЛЫЦИ

В публикуемой новой поэме П. Тычины „Федькович у повстанца Кобылыци" воспет вождь восстания западно-украинского крестьянства против панов—Лукьян Кобылыця. Бунтарские мотивы в стихах и песнях народного поэта Западной Украины и Северной Буковины Юрия Федьковича (1834—1888 гг.) Тычина объясняет связью поэта с участниками восстания и его вождем. В идеях этого восстания он раскрывает непреодолимое стремление народов Западной Украины и Северной Буковины к братскому объединению с русским народом.

Что терпел от злого батьки
Славный юноша Федькович,—
Ни словами не расскажешь,
Ни душою не постигнешь.
Ведь семья одна и хата,
Только бы и жить, казалось,
Да отец за старину был,
А сынок о новом грезил.
Тут-то жизнь и раскололась:
Каждый день раздоры, крики:
— Я в полицию отправлю!
Ты не признаешь закона?!
У Лукьяна Кобылыци
Бунтовать ты научился?
Видит сын: в дому, что в пекле,
Не бывать вовек покою.
На бумаге песнь напишешь—
Выхватят из рук и — в клочья,
Слово скажешь про свободу —
Кинут палкою тяжелой.
Злым ли быть или покорным —
Что всего важнее в жизни?
Свет ты мой! Ну, где отыщет
Человек себе защиту?..
Как-то вырвался из пекла
Молодой поэт Федькович,
И поднялся он на гору
Буковинскую, родную.
Он идет, а ветер свищет,
Буки старые колышет,
Нагоняет тучи злые
На высокую вершину.
Он идет, и вдруг за шею
Каплей капнуло холодной.
Молния блеснула в туче,
И пошло тут грохотанье...
Огляделся, осмотрелся
Смелый сокол, юный горец,
И отверстие увидел
При дороге в горных камнях.
Он забрался в ту пещеру
Да и стал внимать природе.
А она в великом гневе
Землю молниями била
И шумела шумом ливня;
И, ревя, неслись потоки,
И катились вниз каменья
Далеко куда-то, в бездну.
И воскликнул в удивленьи
Славный юноша Федькович:
— Сколько ни бродил в горах я,
А такого не бывало,
Чтоб в одну лишь тучу в небе
Столько гнева взгромоздилось!
Бушевать так может только
Лишь повстанец Кобылыця.

— А ты кто такой? Откуда? —
Вдруг послышалось в пещере.
Смотрит: никого не видно,
Только мрак вокруг глубокий —
Видно, эхо отозвалось
Гулкое в пустой пещере.
И опять разговорился
Смелый сокол, юный горец:
— Неужели не придется
Никогда с ним повстречаться?
Так меня к нему и тянет,
Удержаться нету силы.
— Почему же не придется? —
Вновь послышался тут голос,
И из тьмы пещерной вышел
Исполин в простой одежде.
— Ты хотел меня увидеть?
Вот и я... Да ты не бойся:
Никого не обижает
Справедливый Кобылыця.
И молчал юнец Федькович.
Усмехнулся Кобылыця,
Только молнии сверкали,
Да в горах ревели воды.
— Успокойся, милый мальчик,
Здесь тебя не задержу я,
Только ливень перестанет —
Ты домой и возвратишься.
И юнца тут потрепал он
Нежно по плечу рукою,
Усадил его на камень,
Сам же к стенке прислонился.
Словно мак юнец раскрылся,
Всю печаль свою поведал,
Все свое большое горе,
Горькую несправедливость:
— Лучше б я не видел неба,
Лучше б я не видел солнца,
Лучше бы я помер сразу,
Чем терпеть такую долю!
И сказал ему с улыбкой
Справедливый Кобылыця:
— Ой, дитя мое родное,
Полевой мой колосочек!
Не клянись ты небом-солнцем,
Жить, дитя, не зарекайся.
Лучше сделай так, чтоб люди
На руках тебя носили.
Ты все думал допытаться:
Что всего важнее в жизни?
Я скажу: стоять за правду,
Бедных вызволять от гнета.
Умягчить хотел ты сердце
На зеленой на природе.
Я скажу: напротив, нужно
Закаляться, укрепляться,

Потому что будет время,
Весь народ восстанет грозно,
И тогда в борьбе кровавой
Надвое мир распадется.
Вот когда твоя отвага
Непременно пригодится!
Будешь славным стихотворцем,
Вдохновителем народа.
На великой Украине
Грянет гром грозы народной
Против панского насилья.
Надо нам помочь народу.
Не забудь, что лишь оттуда
Встанет солнце — солнце воли.
Верю, верю, что сольется
Буковина с тем народом.
Вот и все, дружок, как будто,
Что хотел тебе поведать...
Гром утих, гроза промчалась,
Лишь шумят еще потоки.
Видишь: хлеб перед тобою,
Видишь: сыр, вода в кувшине,—
Подкрепись и отправляйся
И готовься к новым битвам.
Проводить тебя я рад бы,
Да нельзя мне появляться,
Чтоб полиция не знала,
Где готовлю я восстанье.
Жил в пещере этой самой
Некогда Олекса Довбуш.—
Значит, ты запасся силой
Довбушевской и моею.
Ну, прощай, иди тихонько,
Чтоб нога не поскользнулась,
Ой, дитя мое родное,
Полевой мой колосочек!
— До свиданья, — подымаясь,
Молвил юноша Федькович.
— Вашей речи о закале
Никогда не позабуду,
Буду в грозной битве первым,
Буду ратовать за бедных,
Буду нашу Буковину
Поворачивать к восходу!
И отправился Федькович,
Стал спускаться вниз веселый.
Солнце вышло из-за тучи,
Путь-дорогу осветило.
И запел Федькович песню
Так, что люди удивлялись:
Кто это на горных склонах
Про свободу распевает?

Авторизованный перевод
ВЕРЫ ЗВЯГИНЦЕВОЙ.

Павло Тычина.

Павло Григорьевич Тычина — один из самых талантливейших поэтов Советской Украины. Украинский народ, который знает и любит стихи Тычины, избрал его депутатом Верховного Совета УССР и депутатом Верховного Совета СССР.

Первая книга стихов Тычины, «Солнечные кларнеты», вышла в 1918 году. Но начал писать стихи он еще в 1910 году.

М. М. Коцюбинский одним из первых угадал в Тычине большого, талантливого поэта и рассказал о нем и его стихах А. М. Горькому.

С тех пор Горький не переставал следить за успехами молодого поэта. В 1927 году он писал Тычине: «Сердечно благодарю Вас, Павел Григорьевич, за присланную книгу, очень тронут любезностью Вашей. Знаю я Вас давно, мне много и нежно — как он изумительно умел говорить о людях — рассказывал о Вас М. М. Коцюбинский, читал некоторые Ваши стихи».

Мировоззрение Тычины сложилось под сильнейшим влиянием идей революционного движения пролетариата, под влиянием произведений А. М. Горького, под влиянием личности и книг М. М. Коцюбинского.

С каждым годом креп талант Тычины, всё совершенней становилось его мастерство. Сборники «Плуг» (1920), «Ветер с Украины» (1924), «Чернигов» (1931), «Партия ведет» (1934) и «Чувства семьи единой» (1938) — вот прекрасные образцы творчества Тычины.

В последнем сборнике Тычины, «Чувства семьи единой», возвышенный пафос социализма органически сочетается с глубокой философской мыслью. Братство народов СССР предстает в этой книге, как свершение интернационалистических мечтаний лучших людей прошлого. В дружбе украинского поэта XVIII века Григория Саввича Сковороды с грузинским поэтом Давидом Гурамишвили Тычина находит прообраз дружбы советских народов Украины и Грузии. В дружбе Горького и Коцюбинского — братские связи народов Украины и России.

ПОКОРЕНИЕ ПУСТЫНИ

Фотоочерк Б. Рябинина

На сотни километров раскинулась «Голодная степь». Потрескавшаяся почва (так называемые паркеты), кое-где поросшая редким лишайником,—так выглядит Джезказган.

Недра Джезказгана заключают в себе более половины запасов меди Казахстана. Здесь богатейшие залежи железных и марганцевых руд, значительное количество свинца, золота и других полезных ископаемых.

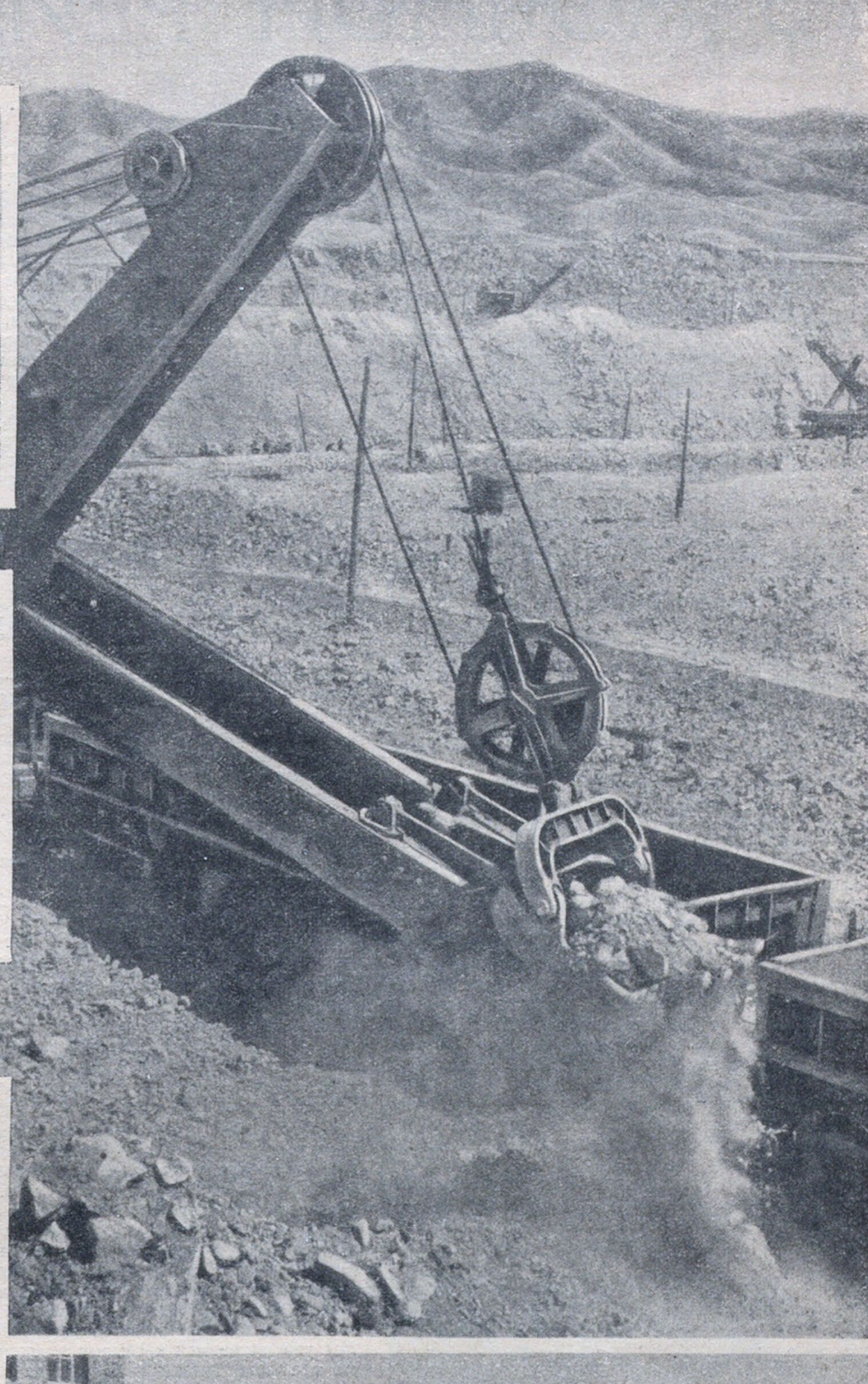

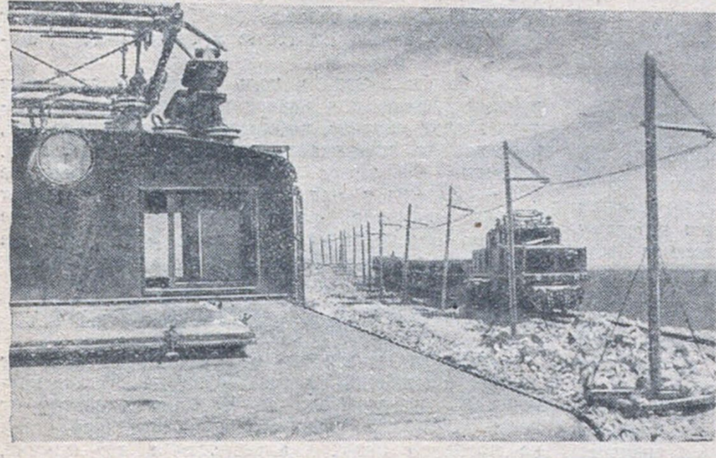
↑ Буровые станки нарушают вековое безмолвие. Советские геологи неустанно ведут трудную, кропотливую работу, извлекая образцы полезных ископаемых и определяя глубину их залегания.

↑ Под палящими лучами солнца энтузиасты-геологи роют на протяжении десятков километров глубокие траншеи, помогающие более тщательно изучать состав почвы.

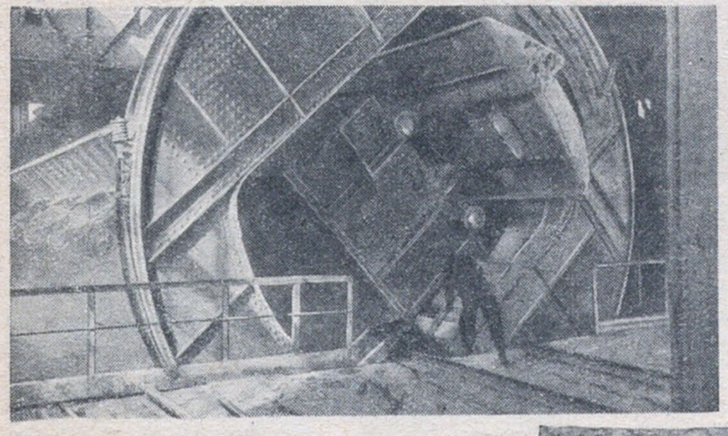
↑ Здесь ведутся большие строительные работы по созданию водохранилища. Русло речки Кенгир уже перегорожено.

Неподалеку от Джезказгана высится зелено-бурая Коунрадская сопка. Она сплошь состоит из породы, содержащей медную руду. Целыми днями здесь грохочут взрывы аммонала и десятки паровых экскаваторов грузят руду в гондолы. →

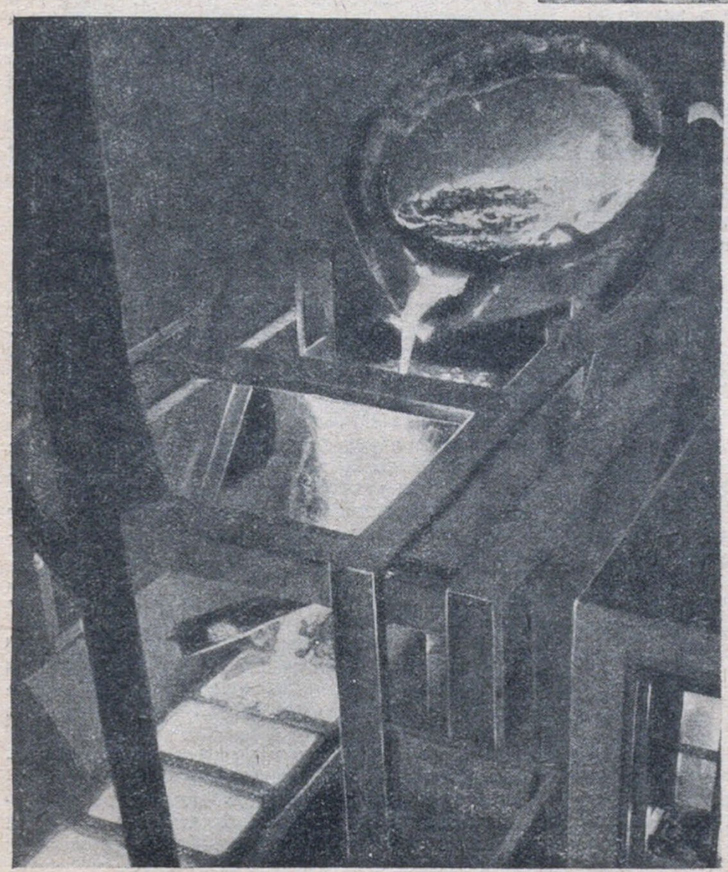

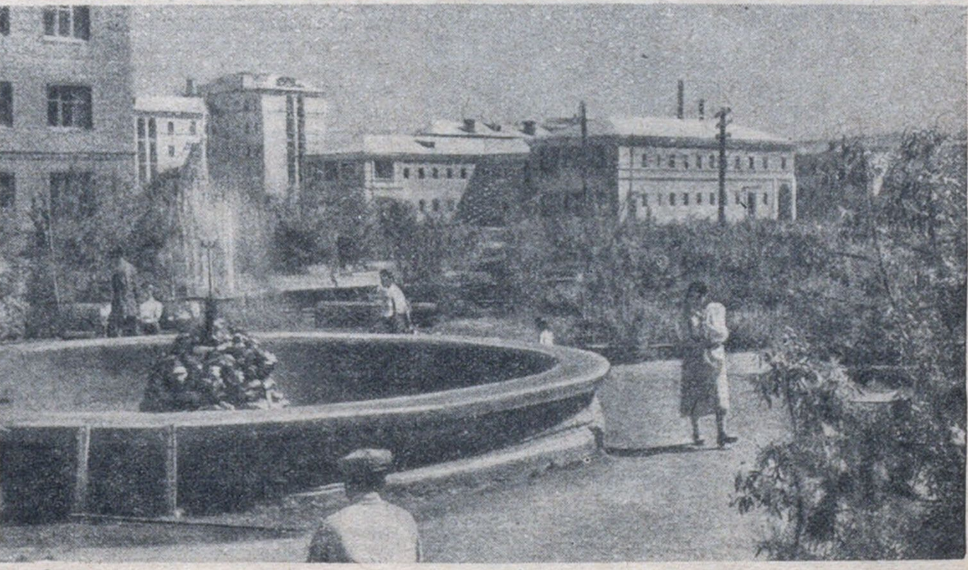
↑ Электровозы везут составы, груженые рудой, на Балхашский медеплавильный завод.

↑ Кольцевой вагоноопрокидыватель легко высыпает руду из 60-тонных вагонов. На разгрузку одного вагона уходит всего несколько минут.

↑ После дробления и флотации коунрадская руда переплавляется в высокосортную медь и разливается автоматизированной медеразливочной машиной.

↑ За годы сталинских пятилеток на берегу пустынного озера Балхаш вырос цветущий, благоустроенный город с прекрасными домами для металлургов, фонтанами и скверами.

В НОЧНОЙ РЕЙД

(По рассказам германских и английских летчиков)

Воздушные операции в нынешней войне ведутся в таких масштабах, как никогда со времени существования авиации. Борьба между Англией и Германией в воздухе играет наряду с морскими операциями основную роль в происходящей схватке. Развитие мощи авиации и средств противовоздушной обороны требует особо тщательной подготовки от летчиков, уменья ориентироваться в сложных условиях воздушного боя, а также колоссального физического и морального напряжения.

Германская и английская печать помещает рассказы летчиков, возвращающихся после выполнения порученных им боевых заданий. В этих описаниях, которые, разумеется, служат целям военной пропаганды, содержится много лишнего, кое-что утаивается, не договаривается. В частности замалчиваются потери, которые несут обе стороны. Но вместе с тем читатель получает некоторое представление о том, что происходит на борту самолета во время воздушных рейдов на Англию или Германию.

Ниже мы приводим в сокращенном виде рассказы летчиков, опубликованные в германских и английских газетах.

КУРС НА САУТГЕМПТОН

«Держим курс на Саутгемптон,— пишет немецкий летчик.— Наша цель — один из важнейших английских портов на Атлантике; здесь находятся многочисленные верфи и доки. Еще с вечера германские бомбардировщики начали атаки на Саутгемптон. Уже восьмой час утра, когда мы появляемся над городом, а наши машины не последние в этой волне атаки...

В машине страшный холодище. Когда мы достигаем предписанной нам высоты, термометр показывает 39° ниже нуля. Меховые сапоги и перчатки не выручают. Колючий холод пронизывает насквозь. Ясная видимость сменяется густой облачностью, закрывающей всю Южную Англию. Под нами простирается огромный «снежный ландшафт» — плотные белые кучевые облака. То здесь, то там прорываются краткие вспышки взрывающихся снарядов. То здесь, то там взлетают вверх снаряды, взрываются в неприятной близости от нас.

Под нами Саутгемптон. К северу большой разрыв облаков. Видимость полная. Наша цель — доки, верфи и огромные склады. Сбрасываем бомбы. Но не удается проследить их путь: облака снова закрывают землю. Несколько секунд спустя начинается яростная пальба из зениток.

Прямой, как свеча, поднимался сноп света...

Наш «Хейнкель» ложится на обратный курс. Затем, как после каждого полета, экипажи самолетов делятся впечатлениями. После этого рейда задается в особенности много вопросов: каждому хочется знать, как леталось другим, какова была погода. Так, капитан нашего первого авиозвена принужден был двадцать с лишним минут кружить над Саутгемптоном под ожесточенным огнем зениток, пока, наконец, облака не разошлись и не дали ему возможности взглянуть вниз, чтобы сбросить на цель свой тяжелый груз.

За нашим «Курфюрстом» следовал с интервалом в две минуты другой наш самолет. За ним погнался английский истребитель. Но нашему бомбардировщику удалось сбросить бомбы и скрыться в облаках еще до того, как истребитель дал пулеметную очередь».

НАД ЛОНДОНОМ

«Снова предстоит ночной рейд,— говорится в рассказе другого немецкого летчика.— Наш "Бруно Гейнц" на старте. Медленно отделяется машина от земли. Над нами темносерые облака. Чем ближе добираемся мы до побережья, тем реже становятся горы облаков. Вскоре над темной широкой поверхностью моря появляется светлая качающаяся полоска. Это английский берег.

Вот в ночное небо устремились 10, 15, 20 и больше снопов света. Вскоре под нами появляются вспышки огня, невдалеке рвутся снаряды. Все яростнее становится заградительный огонь, направленный против одной-единственной германской машины. Все теснее смыкается вокруг нас круг призрачных световых щупальцев.

Под нами Лондон. Повидимому, противовоздушная оборона сегодня не очень активна. Когда мы появляемся над целью, нажимается спусковая кнопка «Внимание. Бомбы сброшены. Наблюдать!» В момент сбрасывания бомб машину чуть кидает вверх. С напряжением всматриваемся в зияющую бездну и замечаем маленькие пожары.

Поворачиваем назад. Тем временем там, внизу, происходит оживление, начинается учащенная пальба из зенитных орудий. Прямой, как свеча, около нас поднимается сноп света, и машина, неизвестно почему, словно обезумевшая, кружит вокруг него, скользит по кривой все ниже и ниже; мы как будто стремительно проваливаемся в бездну как раз над самым Лондоном. «Засыпались!»— эта мысль пронизывает каждого из нас.

По обеим сторонам самолета разлетаются осколки снарядов, настоящий дождь из осколков. Мы уже готовимся к самому худшему, но надежда все еще теплится. Не забыть этих минут. И вдруг пилоту удается вновь совладать с машиной над самым лондонским пеклом. После нескольких бесконечно долгих секунд он начинает набирать высоту, чтобы выбраться из огня; на сей раз это удается.

Наконец, пролетели над французским побережьем. Показался наш аэродром. Приближаемся, замедляем ход, готовимся к посадке. И вдруг все огни гаснут! Что за оказия? Впоследствии мы узнали, что произошло короткое замыкание. Сделали круг, огни снова загорелись. Снижаемся, катим со стартовой дорожки к ангару. Там нас ждет уже дежурный: мы запоздали на целый час».

НАД ДУНАЕМ

«Я,— пишет английский летчик,— раньше участвовал в деле над Берлином, а теперь получил приказ стартовать на Регенсбург, на чехословацкой границе. Предстояло проделать туда и обратно по 750 миль.

Мы поднялись со своей базы и, спокойно пролетев над морем, попали под тяжелый огонь зенитных орудий над Аахеном, Кельном и Франкфуртом. Похоже на то, что нас там ждали. Затем мы прошли над Нюрнбергом, где огни на аэродроме сразу же были потушены. Долетев до указанного нам района, мы пошли над Дунаем, ориентируясь по осветительным ракетам, сброшенным с других, шедших вместе с нами самолетов.

Мы у цели, бросаем осветительную ракету. Повидимому, мы застали противника врасплох, так как по нашей машине не открыли огонь. Затем сбросили две очереди бомб. При свете ракет были ясно видны нефтяные и бензиновые хранилища.

Все бомбы попали в цель и вызвали страшные взрывы. Хранилища наверняка взлетели на воздух. Пилот машины, побывавший здесь после нас, рассказывал, что видел зарево над этим местом.

Свыше 40 минут мы кружили на высоте 400 — 500 футов над нашим объектом и минут 20 шли медленно, производя пулеметный обстрел района. Нам не мешали, но срок истек, решили повернуть обратно. Задание было выполнено».

БОМБАРДИРОВКА КЕЛЬНА

«Когда мы поднялись в воздух,—рассказывает другой английский летчик,— погода была прекрасная. Мы долетели на 15 миль к северу от цели, затем круто повернули на юг. Противник не проявлял никакой активности в тот момент, когда мы стали снижаться. Шли на высоте 13 тысяч футов.

Вдруг нас нащупал один прожектор, и мы сразу очутились в центре взрывов и световых лучей, словно кто-то включил в воздухе электрический рубильник. Сбросили осветительную ракету, но, стремясь уйти от огня зениток, не успели заметить, что происходит на земле.

...Шли на высоте 13 тысяч футов.

Мы израсходовали все ракеты, прежде чем приступили к бомбежке. Я пытался так сманеврировать, чтобы цель находилась между самолетом и луной; луна была неполной, помощь ее была небольшой. В конце концов, удалось заметить очертания дамбы.

Когда мы спустились на 8 тысяч футов, на нас устремилось 15 прожекторов. Раньше по нас била зенитная артиллерия крупного калибра, теперь к ней присоединились легкие зенитки. Чем больше мы снижались, тем интенсивнее становился огонь.

На мгновение внизу вновь промелькнула дамба. Около нее я заметил длинную тень, очень похожую на судно.

Отдал приказ сбрасывать бомбы с высоты 800 футов. Затем мы снизились над водой до 100 футов. Прожекторов стало еще больше. Слепило глаза. Невозможно было различить результаты бомбежки.

Вдруг я заметил, что мы мчимся прямо на деревья: один из прожекторов осветил их верхушки. Пришлось, чтобы не налететь, подняться до 300 футов. Затем мы снова снизились и шли над городом на высоте 100 футов. Наши пулеметчики открыли огонь, выпустив около 3 тысяч патронов. Пришлось минут 10 бороздить небо над городом, чтобы прорваться через заградительный огонь.

Пошли на юг, все время делая зигзаги, пока не удалось уйти».

Война в воздухе. Куда метят германские и английские летчики? Ежедневно английские самолеты бомбардируют города и базы Германии, а германские эскадрильи бомбардируют английские города, базы, промышленные предприятия.

Германская авиация направляет свои удары на следующие военные объекты на территории Великобритании.

Главные военно-морские базы: Портсмут, Плимут, Чатам, Ширнесс (у устья реки Темзы), Росайт, Инвергордон, Скапа-Флоу.

Важнейшие центры самолетостроения и моторостроения: Лондон с окрестностями, более пятнадцати заводов, в том числе заводы Хендли-Пейдж (бомбардировщики), Хаукер (бомбардировщики и истребители); Ковентри — центр авиостроения, не менее семи заводов, в том числе Виккерс и Даймлер; Саутгемптон — ряд авиозаводов, в том числе завод Виккерс, выпускающий знаменитые истребители «Спитфайр»; Дерби—завод моторов Роллье-Ройс; Бристоль—один из крупных центров самолетостроения.

Основные центры судостроения: Глазго, Гринок, Клайдебанк, Думбартон, Эдинбург; почти половина общего числа всех верфей Великобритании находится в этих местах. Судостроительные заводы находятся также в Ньюкасле (6 верфей), Саут-Шильдсе, Гулле, Сандерланде, Глостере, Кардифе, Портсмуте, Плимуте, Ливерпуле, Чатаме, Белфасте, Барроу-ин-Фернессе.

Военная промышленность: основные заводы находятся в районе Лондона, в том числе известный Вульвичский арсенал, а также в Шеффильде, Бирмингаме, Саутгемптоне. В северозападной Англии накануне войны был создан новый район военной промышленности.

Английская авиация стремится вывести из строя основные военные объекты на территории Германии и оккупированных ею стран. К этим объектам относятся:

Главные военно-морские базы: в Германии: Вильгельмсгафен, Куксгафен, Везермюнде, остров Гельголанд, остров Зильт, Киль, Свинемюнде, Штраузунд, Варнемюнде. В Голландии: Флиссинген. Во Франции: Дюнкерк, Гавр, Шербур, Брест, Лориан.

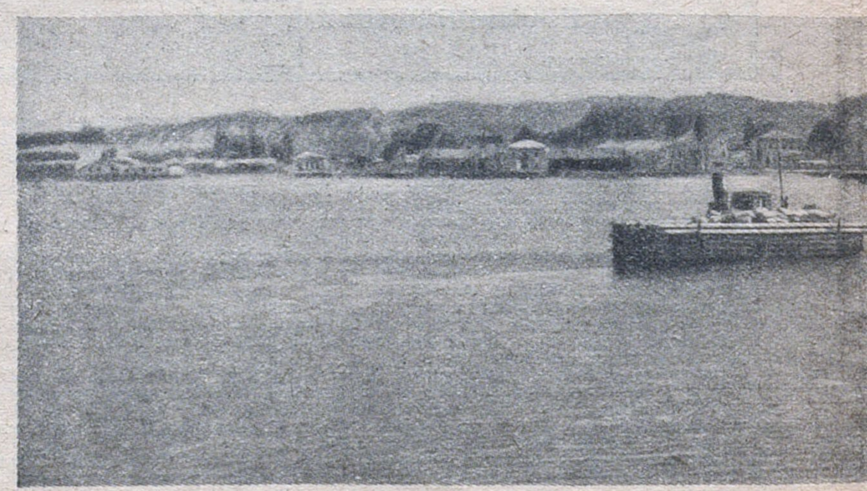
Важнейшие центры самолетостроения и моторостроения: Берлин с окрестностями, не менее десяти заводов, в том числе известный крупный завод Хеншель. Бремен, Гамбург, Лейпциг—по крайней мере по три завода. Известные германские бомбардировщики типа «Хейнкель» выпускаются на заводе в Ростоке и в Варнемюнде, самолеты типа «Юнкерс» — в Дессау. Знаменитые германские истребители «Мессершмидт» выпускаются в Аугсбурге. Авиозаводы имеются также в Фридрихсгафене, Мюнхене и Штутгарте.

Основные центры судостроения: Гамбург — свыше десяти верфей, в том числе крупные верфи «Блом и Фос», Бремен, Киль, Вильгельмсгафен, Везермюнде, Штеттин.

Военная промышленность: помимо старых районов военной промышленности, в основном сконцентрированных в Рурском бассейне, где находятся знаменитые заводы Круппа (в Эссене), за последние годы были созданы новые военно-промышленные районы. Один из них находится в четырехугольнике Берлин — Магдебург — Зуль — Дрезден; другой — между Нюрнбергом и Аугсбургом. Третьим и очень важным военно-промышленным районом следует считать Пильзен—Прага, на территории протектората Чехии и Моравии.

ИТАЛИЯ
ОТРАНТО
ПРОЛИВ ОТРАНТО
АДРИАТИЧЕСКОЕ М
Р. ВИЙОСА
Р. ОСУМ
Р. ШКУМ
ПАЛИАССА
ДУКАТИ
ВИНОС
ВАЛОНА
АРТА
ПОЛЛИНИ
ХИМАРА
ФИЕРИ
РЕМАСИ
БАСТО
КОРФУ
ПАЛЕРМО
КАНИНА
АРБОНА
ПЕКИНЬЕ
ДЕЛЬВИНО
БЕНЧЕ
САНТИ КВАРАНТА
АРГИРОКАСТРОН
КЛИСУРЫ
ЗАНА
КОСОВА
АЛБАНИЯ
БЕРАТ
ЭЛЬБАС
БУЛЬРИНТО
ПРЕМЕТ
БУБИСИ
ТОМОР
СТРМЕН
МИРА
КОНИСПОЛИС
ДОБРЕНИ
БАДЕЛОНИ
ДУШХАРИ
ЛИБРАШ
ПРЕНС
ЛЯСКОВИКИ
МОСКОПОЛЕ
КОРЧА
ПОГРАДЕЦ
ГРЕЦИЯ
ЕРСЕК
ОЗ. ОХРИДА
ПЛИАС
ОЗ. ПРЕСПА
РЕСНЯ
ЮГ

Итальянская мотомехколонна следует по горной дороге.

Порт Валона — цель наступления южной группы греческой армии, наступаю

ВОЙНА В АЛБАНИИ

Полковник В. Попов

Албано-греческий театр военных действий представляет собой горную страну, в которой почти нет дорог. Горы, покрывающие значительную часть Албании, относятся к числу средних по высоте (только отдельные вершины достигают 3 тысяч метров), но отличаются труднодоступностью. Лесов мало, скалистые гребни чередуются с покрытыми кустарником склонами.

Главный хребет носит название Пинд — водораздел между Эгейским и Ионическим морями. Он делит весь театр военных действий на две части: западную и восточную. Первая включает южную Албанию и греческий Эпир, вторая — греческую Македонию и Фессалию. Здесь меньше гор, больше хороших дорог. По этим горам пролегали все пути вторжений в Грецию, начиная с походов Ксеркса в V веке до нашей эры и до войны 1897 года, когда турецкая армия достигла рубежа в нескольких переходах от греческой столицы.

Современная политическая обстановка привела, однако, к тому, что эти исторические пути, шедшие через Македонию и Фессалию с севера на юг, оказались как бы повернутыми на запад. Произошло, так сказать, «переключение» на албанскую границу, что обозначилось еще в войну 1914—1918 годов, когда союзники построили автомобильные дороги от албанского побережья до Салоник.

В настоящий момент военные действия развиваются в западной части театра, на территории Албании, занятой летом 1939 года итальянцами. Климат здесь тяжелый: в прибрежной полосе дождливая зима; в глубине гор, например в районе Корицы (Корча), в декабре начинаются морозы и сильный снегопад. Все эти условия значительно осложняют ведение крупных военных операций. Ограниченные возможности албанского плацдарма весьма затрудняют развертывание итальянских воздушных сил. Правда, итальянцы могут держать основную массу своей авиации на аэродромах южной Италии. Большие трудности представляет также снабжение итальянской армии через ближайшие к побережью Албании порты: Бари, Бриндизи и Отранто. С появлением в Греции английской авиации эти базы итальянцев, так же как и албанские порты, оказались под ее ударами.

Ход войны с Грецией создал весьма неблагоприятную стратегическую обстановку для Италии. Эти невыгоды стратегического порядка Италия, очевидно, с самого начала намеревалась устранить быстрым занятием Греции, как в свое время это удалось немцам в Норвегии. Как известно, Италия пока не добилась этого.

Расчеты итальянского командования не отвечали действительному соотношению сил. Греки успели развернуть на албанской границе большое количество войск. Поспешное начало итальянского наступления, предпринятого с недостаточными силами — методами колониальной войны,— создало возможность для эффектного контрудара хорошо подготовившейся греческой армии. Во второй половине ноября греки, отбив наступление итальянцев, сами перешли в общее наступление. Итальянские армии были вынуждены отступить в глубь Албании.

Рельефная схема местности дает представление о трудностях, с которыми связана война, идущая на территории Албании.

...тупающей вдоль побережья.

В южной и юговосточной Албании дороги проложены в горах. На снимке: участок дороги Валона—Дураццо.

Албанские крестьяне на улицах Дураццо. В своих живописных костюмах они скорее напоминают воинов. Между тем это обыкновенные крестьяне-горцы. Снимок сделан до начала войны.

К этому времени перемены в итальянском военном руководстве завершаются отставкой маршала Бадолио, что определяет соответственно какие-то новые решения. Во главе итальянского генерального штаба—фактически верховного командования—становится один из известных итальянских генералов — Уго Кавальеро. С 1918 по 1920 год он был представителем Италии в межсоюзном верховном совете, затем в течение нескольких лет занимал пост заместителя военного министра. Последние два года перед настоящей войной Кавальеро был начальником генерального штаба вооруженных сил Итальянской Восточной Африки.

Заместителем генерала Кавальеро по генеральному штабу назначен корпусной генерал Гуццони. С 1935 года он был губернатором Эритреи, летом 1939 года руководил захватом Албании. В войне с Францией командовал правофланговой итальянской 4-й армией альпийского фронта.

Третьей виднейшей фигурой является командующий албанским фронтом, наиболее молодой, 57-летний генерал Содду, лишь недавно получивший чин корпусного генерала. Он был заместителем военного министра, затем командовал столичной дивизией «сардинских гренадер», после чего занимал пост заместителя начальника генерального штаба.

Итальянцы не ограничились, конечно, лишь переменами в высшем командовании: албано-греческий театр имеет для них важное значение. Несмотря на то что наступление английских войск в Западной пустыне заставило итальянское командование бросить туда значительные подкрепления, все же пришлось несколько дивизий отправить в Албанию на поддержку частей IX и XI армий, отступавших под натиском греков и англичан. Во второй половине декабря итальянцы сделали ряд попыток приостановить наступление греков. С этой целью генерал Содду предпринял на всем фронте сильные контратаки. В момент, когда пишутся эти строки, 1 января, напряженные бои развернулись почти на всем фронте.

На южном участке фронта, где оперирует XI итальянская армия, греки вели в течение декабря яростные атаки на Тепелене и Клисуры (Кельчуре), пытаясь таким образом пробиться к Валоне. Однако итальянские войска, получившие подкрепление, продолжали оказывать упорное сопротивление, переходя в контратаки. К греческим войскам также подошли подкрепления. 22 декабря греки заняли Химару.

На северном участке фронта, в районе Поградеца, уже в первой половине декабря начались сильные морозы и снежные метели. Военные действия этим крайне затруднены. Как греки, так в особенности итальянцы понесли значительные потери обмороженными.

Борьба на албанском театре между Италией с одной стороны и греко-английскими силами — с другой вступает в наиболее серьезный и важный этап.

Н. Пахомов

ЦЕННАЯ НАХОДКА

(Лермонтов и его окружение в альбоме П. Урусова)

Н. И. Бухаров.
Из альбома П. Урусова

В начале прошлого столетия было модным иметь у себя альбом, в который знакомые вписывали свои мадригалы или рисовали трогательные картинки вроде пронзенных сердец, амуров с колчанами и стрелами, надгробных памятников, беседок, а то и просто букетов цветов.

В те времена уменье писать альбомные стихи и примитивно рисовать считалось признаком хорошего воспитания, так же как безукоризненный пробор на голове, хорошо сшитый фрак и другие подобные атрибуты светского человека.

В своей массе такие альбомы утомительно однообразны и поэтому не заслуживают особого внимания.

Но среди них попадаются и такие, которые хранят неизвестные до сего времени строки Пушкина, Гоголя, Тургенева и других великих писателей или зарисовки таких художников, как Брюллов, Кипренский, Орловский и т. п.

Особенный интерес представляют для нас альбомы с портретными зарисовками, бытовыми сценками и карикатурами. Такие альбомы — незаменимый справочник для писателей, литературоведов, историков, театральных постановщиков — для всех тех, кто привык кропотливо изучать ту эпоху, в которую жили и действовали герои их романов, пьес, исследований.

Перед нами скромный альбом в потрепанном матерчатом переплете. Внутри пожелтевшие порванные листы, на которых наклеены акварели и рисунки. Этот альбом, недавно обнаруженный нами в частном собрании, драгоценен главным образом тем, что он непосредственно связан с именем Лермонтова.

Окружение Лермонтова, некоторые факты из его биографии еще не достаточно изучены; вот почему портретная галерея лиц, обнаруженных в этом альбоме, так или иначе связанных с Лермонтовым, зарисовки тех мест, в которых побывал поэт, наконец, два его собственноручных рисунка придают этой находке значение события.

Альбом принадлежал князю П. А. Урусову, вместе с которым поэт служил на Кавказе. В альбоме около ста шестидесяти зарисовок, относящихся к концу 30-х и началу 40-х годов прошлого столетия, выполненных различными любителями.

Интересна группа друзей Урусова, среди которых выделяется фигура Кости Булгакова, приятеля Лермонтова. Обращают внимание острая по своей злой характеристике фигура Николая I и стоящая рядом с ним фигура сухопарого адъютанта.

Переворачивая листы альбома, мы словно вновь читаем гневные строки Лермонтова из его стихотворения «Смерть поэта».

Перед нами проходит панорама Петербурга того времени с его безымянными щеголями Невского проспекта и потомками «известной подлостью прославленных отцов», разными Апраксиными, Юсуповыми, Дубельтами и другими, в лицо которых Лермонтов бросил:

Карандашный набросок М. Ю. Лермонтова к акварели «Эпизод из сражения при Валерике».
Из альбома П. Урусова

«Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!»

Все эти фигуры даны в злых, беспощадных характеристиках и прекрасно раскрывают содержание многих стихов Лермонтова.

В альбоме имеется ряд интереснейших зарисовок почти всех наиболее знаменитых людей того времени: известный музыкант Людвиг Маурер, скрипичный концерт которого Лермонтов исполнял на торжественном акте в Московском благородном пансионе; товарищ Лермонтова по полку Н. И. Бухаров, которому поэт посвятил стихотворение «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...»; Соболевский; поэт Петр Андреевич Вяземский; зарисовка играющего на рояли Листа, впервые посетившего Россию в 1842 году.

Следует упомянуть о зарисовках полковой жизни Лермонтова на Кавказе, дающих возможность пополнить карту его военных походов и устанавливающих новые даты его биографии.

Но самое ценное в этом альбоме — два рисунка Лермонтова, один из которых выполнен пером (наброски лошадей), а другой карандашный — подготовительный набросок известной акварели «Эпизод из сражения при Валерике», находящейся в Русском музее в Ленинграде. Из имеющейся на этой акварели надписи следует, что рисунок был выполнен М. Ю. Лермонтовым, а раскрашен Г. Г. Гагариным.

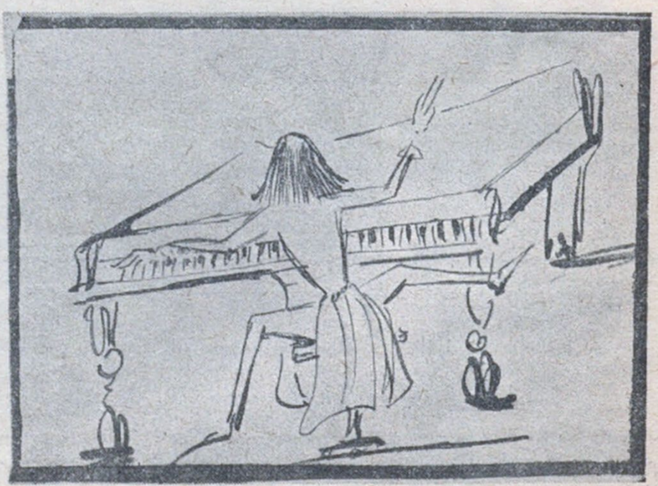
Более внимательная и длительная работа над альбомом, быть может, установит авторство Лермонтова и в других находящихся в альбоме рисунках.

Дубельт.
Из альбома П. Урусова

Группа приятелей князя Урусова.
Из альбома П. Урусова

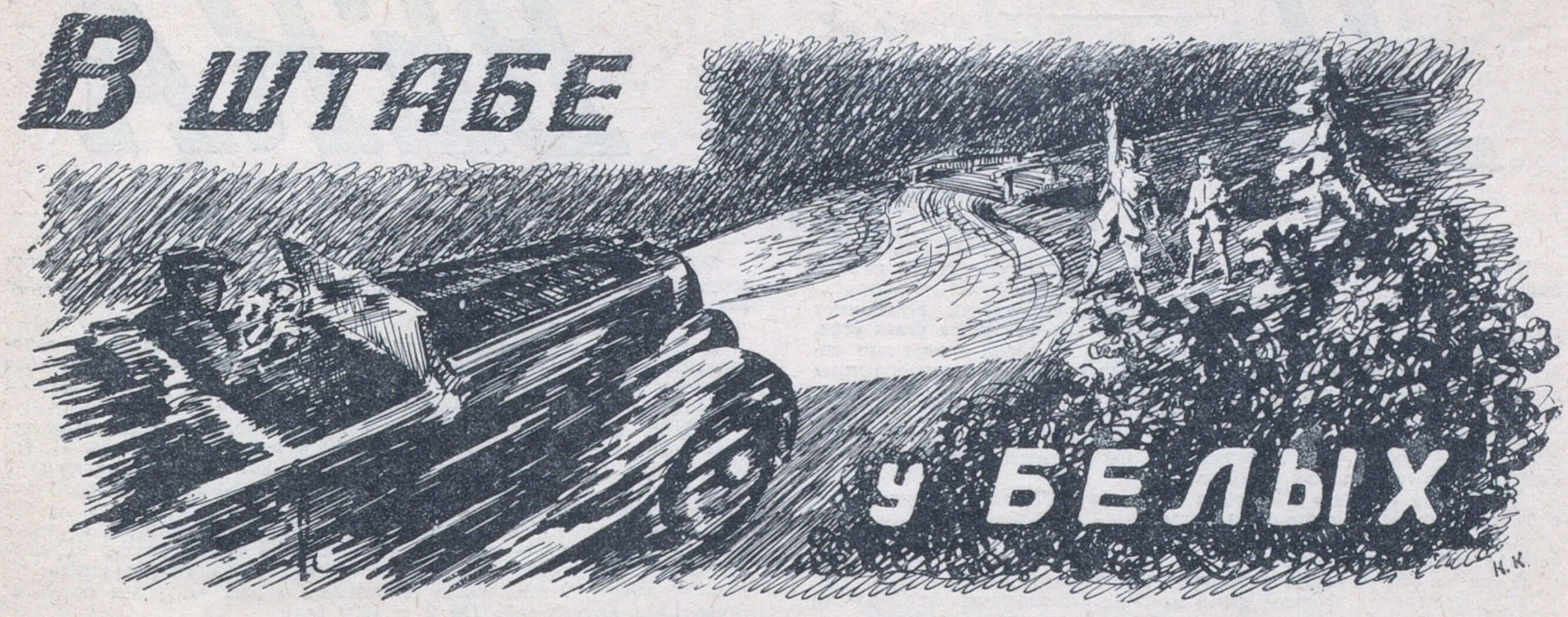

Франц Лист.
Зарисовка в альбоме П. Урусова

К. Осипов

Иллюстрации худ. Н. Кожевникова

В штабе у белых

ИЗ ЖИЗНИ НАЧДИВА 16 КИКВИДЗЕ

В средине дня в бою, как бы по безмолвному соглашению противников, наступила передышка. Усталые, истомленные жаждой, люди бросились на землю. Кашевары напрасно разносили котелки: почти никто не хотел прерывать сладостного отдыха.

В это время Киквидзе доложили, что третий батальон Тамбовского социалистического полка захватил белого офицера, судя по погонам, штабного.

Надеясь получить полезные сведения, начдив направился к батальону. Здесь стоял хохот. Забыв об усталости, бойцы тесным кольцом окружили Антона (красноармейца, который стащил с коня офицера) и его пленника. Каждая реплика вызывала взрыв смеха.

Офицер стоял в черной бурке, из-под которой виднелось золото погон. Черные волосы свисали над высоким лбом и ястребиным, изогнутым носом.

«Похож на меня»,— подумал, усмехаясь, Киквидзе и, приостановившись, стал прислушиваться к разговору бойцов.

— Как же тебя зовут, ваше благородие? — спрашивал Антон.

— Зовут зовуткой, а величают дудкой,— хладнокровно отвечал пленник, рыская по сторонам глазами.

Киквидзе сразу определил по акценту, что перед ним грузин.

— Го-го,— закатывались окружающие.— Он, что наш Антон разговаривает: коса на камень.

Антон, чувствуя, что бойцы ждут его ответа, небрежно обронил:

— Ты не извиляйся. Расскажи-ка лучше, по каким-таким резонам вы против нас воюете. Всяк правды ищет, да не всяк ее творит. А вашу барскую правду мы давно знаем. Я вашего брата, офицерья, нагляделся. Вы солдата и поите, и кормите, и спину порете.

— Ай, здорово! — грохнуло вокруг.— За словом не полезет.

— Что ж, ваше благородие, отвоевался, значит? — продолжал Антон.— И еще бы воевал, да воевало потерял? А скажи-кось, многой ли землицей владеешь? Далече ли хуторок твой?

— Дорогой пять, а прямо десять,— насмешливо ответил офицер.

— Ты не очень изголяйся, помрачнел вдруг один из бойцов,— очень даже соображай, где находишься. А не то живо успокою.

Киквидзе негромко кашлянул. Ему понравилось спокойствие пленного, обличавшее смелость и мужество — качества, которые он ценил и во врагах.

— Дайте-ка мне с этим орлом потолковать,— обратился он к бойцам и любезным жестом пригласил офицера следовать за собой.

Час спустя Киквидзе приказал подать легковую машину.

Когда он вышел, шофер оторопел: начдив был одет в офицерскую форму, на плечах щегольски накинутая бурка.

— К белым!

Стерев с лица недоуменный вопрос, шофер дал газ.

— Погоди. Нацепи вот на плечи,— и Киквидзе протянул шоферу погоны.

Машина нырнула в темноту. Тусклый свет фар едва освещал мелькающие деревья.

— Кто едет? Стой!

Шофер резко застопорил. В полосе бледного света появилась фигура статного урядника с выхоленными усами.

Киквидзе небрежно, почти высокомерно, протянул удостоверение. Урядник, почтительно рассматривая подпись самого Краснова, покосился на обнажившиеся под буркой аксельбанты.

— Пропустить их высокоблагородие,— крикнул он в темноту. И, наклонившись к шоферу, прошептал:— Как через мост поедешь, давай самый тихий: потому доски там погнили.

В штабе Киквидзе обратился к дежурному офицеру:

— Прошу начштаба принять меня по срочному делу. Я ротмистр, князь Чавчавадзе. С поручением от атамана Войска Донского.

...— Если вы пророните хоть один звук, вы мертвы...

Офицер исчез за дверью и, вернувшись, через несколько минут пригласил ротмистра пройти к начальнику штаба.

Старенький, подслеповатый полковник, потирая руки, поднялся навстречу.

«Точь в точь, как описал его пленный беляк»,— удовлетворенно подумал Киквидзе.

— Давно не виделись, ротмистр, — дребезжащим голосом произнес полковник,— в последний раз в ставке его величества,— он размашисто перекрестился.— Но вы, если не ошибаюсь, порядочно возмужали. Я не узнал бы вас.

Начдив, не торопясь, вынул из кармана наган и направил дуло на полковника:

— Я Киквидзе! Если вы пророните хоть один звук, вы мертвы.

Полковник, заслонясь рукой от зияющего дула, попятился к столу.

— Где бумаги? — холодно спросил Киквидзе.— Мне нужны секретные приказы, коды шифров, сведения о людском и конском составе.

Киквидзе испытывал необыкновенное спокойствие. Мелькнула мысль: «Если сейчас произойдет что-либо неожиданное, никто не выйдет живым из этой комнаты». Полковник чувствовал эту непреклонную решимость. Подчиняясь воле Киквидзе, он молча следил, как складывал Киквидзе в портфель наскоро отобранные бумаги.

Забрав нужные документы, Киквидзе обратился к полковнику:

— Теперь я попрошу вас совершить со мной небольшую прогулку в автомобиле. Заверяю вас, что ни сейчас, ни после вам не будет причинено никакого вреда. Даже обещаю вам один сюрприз, полковник. Но при малейшем намеке на призыв, вы не проживете и десяти секунд.

Скучающий адъютант пытался подслушать, о чем разговаривал блестящий ротмистр с полковником, но через плотно прикрытую дверь доносилось только ровное гудение голосов, вернее, одного голоса. Полковник молчал, и это не удивляло адъютанта: он знал, что его начальник всегда предпочитал слушать.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стояли под руку князь Чавчавадзе и полковник.

— Я скоро вернусь,— пробормотал полковник, поднимая воротник шинели,— вот проеду неподалеку с ротмистром.

Гость приложил два пальца свободной руки к фуражке, очаровательно улыбнулся и, оживленно рассказывая что-то своему спутнику, направился к выходу.

Когда машина миновала последнюю заставу белых, Киквидзе дружелюбно произнес:

— Я обещал вам сюрприз. Через четверть часа вы увидите настоящего князя Чавчавадзе. Будет с кем старину вспомнить.

П. Максимов

На грани ВЕКА

Прошел сороковой год двадцатого века. Мы вступаем в пятое десятилетие.

Люди, которым сейчас «под пятьдесят», с улыбкой вспоминают конку, со впряженными в нее одрами, керосиновые фонари на углах улиц. Припоминают они появление кинематографа, в то время именуемого синематографом, а на юге — иллюзионом, беспроволочный телеграф, первые взлеты авиаторов и многое из того, что было в начале века диковиной.

На рубеже XX века электрическая лампочка в обеих столицах — Петербурге и Москве — была редкостью. Об электрическом освещении сообщалось в газетах, как о событии.

Так, газета «Россия» (Петербург, 5 января 1900 года), помещая отчет о бале в Дворянском собрании, писала:

«Электрические лампы многочисленных люстр и бра заливали массою света изящные залы собрания».

В том же номере газеты «Россия» мы читаем:

«Существовавший прошлой зимой на Неве перевоз-раскат от Сенатской площади к Румянцевскому скверу заменен электрическим перевозом».

В этой же газете находим такие объявления:

«КАЗИНО-ЭЛЕКТРИК» (у Строганова моста). Пикники фешенебельного общества в Петербурге. Зал залит электрическим светом».

В Москве, на Цветном бульваре, показывали картину художника Яна Стыки «Голгофа». В газетном объявлении сообщалось: «Панорама открыта до 10 часов вечера при электрическом освещении».

Электричество стали применять и для других целей.

«На рубеже электрического века, в качестве его предвозвестников, у нас появились электрожулики,— сообщала газета «Русское слово» (№ 3 за 1901 год) по поводу кражи у петербургского табачного торговца Семенова.— Грабители провели к железному шкафу электрические провода, с помощью сильного тока пережгли какие-то шарниры, и ларчик открылся очень просто. А в том ларчике было разных ценностей на несколько тысяч. Для начала века недурно».

Американцы применили электроэнергию по-своему.

Журнал «Новый век» (№ 4 за 1900 год) сообщал, что в Нью-Йорке введена «электрокуция», то есть казнь на электрическом стуле.

В январе девятисотого года в Петербурге открылся первый всероссийский электротехнический съезд, и на нем был прочитан доклад об электрических кебах и омнибусах Ипполита Романова.

На общем собрании технического общества инженер-технолог Н. П. Мельников сделал обширный доклад на тему «Идеалы техники накануне XX века».

Коснувшись велосипеда, он сказал:

«...Если маленький стальной конь... фабрикуется с такой ужасающей прогрессией... то что же будет в XX веке? По всей вероятности, развитие велосипедной промышленности вызовет в будущем веке расширение окраин городов, где будут селиться более бедные обыватели, благодаря легкости сообщения на велосипеде с центрами городов».

Инженер Мельников не мог тогда даже и подумать о том, что через 17 лет произойдет Великая Октябрьская социалистическая революция, жители окраин перестанут быть «бедными обывателями» и, помимо велосипедов, смогут пользоваться электропоездами, троллейбусами, автобусами, трамваями, наконец, метрополитеном — такими видами транспорта, о которых в нашей стране в начале века не имели представления.

Мы привыкли к тому, что советские женщины наряду с мужчинами ведут поезда, самолеты, автомобили, несут вахты на океанских пароходах, и нас это уже не удивляет.

Не то было в начале века.

В 1900 году в веломотогонках Москва—Петербург участвовала велосипедистка Коценская. Среди участников гонок это была единственная женщина. Журнал «Спорт» (№ 26 за 1900 год) по поводу присужденного ей золотого жетона писал:

«Шутка ли! Дама проехала 650 верст за 51 час, а если бы она не пережидала каждый дождь, то прибыла бы в норму для мужчин. И это одна из тех представительниц слабого пола, которые пьют валериан и бром чуть ли не ведрами, ежедневно падают в обморок несколько раз из-за сломанного пера на шляпке».

Теперь несколько слов об автомобилях. Даже в Петербурге в начале века было всего два—три десятка автомобилей и выписывали их из-за границы. О возможности применения автомобилей в России можно судить по ответу, напечатанному в почтовом ящике «Журнала новейших открытий и изобретений» (№ 2 за 1900 год):

«В Оренбург. Г-ну И. А. См-ну. Мы уже извещали вас, что автомобилей, вполне приспособленных для русских дорог, нет. Конструируемые заграницей автомобили сделаны далеко не так прочно, как это необходимо для безопасного движения экипажа-самохода по русским дорогам».

Почтовый ящик этого «Журнала» полон ответами, иллюстрирующими невероятную техническую отсталость России того времени. Вот два ответа, взятых наугад:

«Тобольск. Г. Р-рю. Для коробок и жестянок под консервы идет исключительно иностранная жесть; наша русская, к великому сожалению, до сих пор не может конкурировать с английской».

«В Корюковку. Г. Б-скому. На русском языке сочинения о граммофонах и пластинках к ним не имеется. Производство тех и других сосредоточивается в Германии и Америке, где существуют специальные фабрики для их выделки. Пластинки изготовляются из растительного воска, но полный рецепт нам неизвестен, так как составляет секрет фабрики».

В наши дни, когда техника Страны советов совершила скачок через столетия, когда сталинские соколы на отечественных самолетах за сутки проделали путь Москва—Америка, как нелепо выглядит газетная заметка о путешествии камчатского купца Колесова из Петропавловска на Камчатке в Москву.

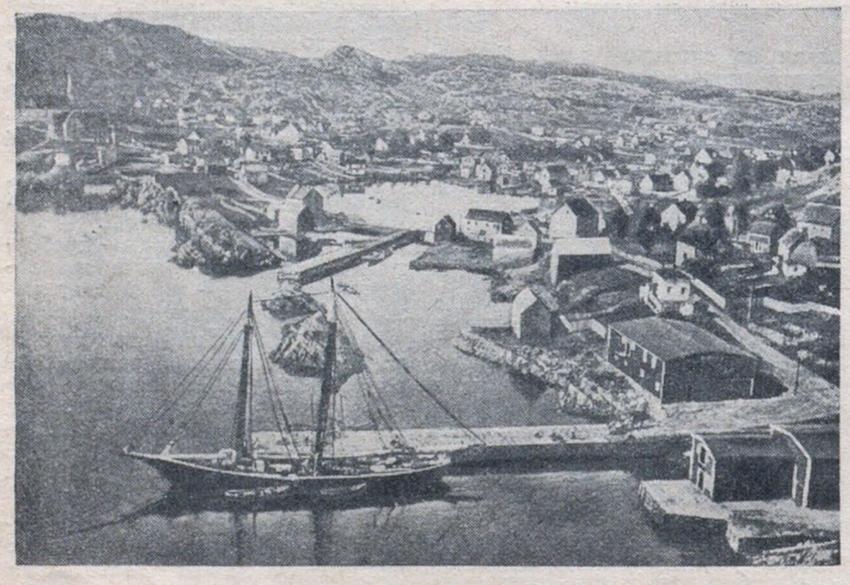
Путь его длился, как сообщали «Биржевые ведомости» (3 января 1900 года), 141 сутки. Колесов выехал с Камчатки пароходом до Охотска. От Охотска до Якутска, свыше 1000 верст, он проехал верхом на лошади, от Якутска до Иркутска — по зимнему тракту на почтовых лошадях и лишь от Иркутска до Москвы — по железной дороге.

Газета «Новое время» (№ 1 за 1900 год) напечатала фантастический фельетон о том, что будет в России в 1950 году:

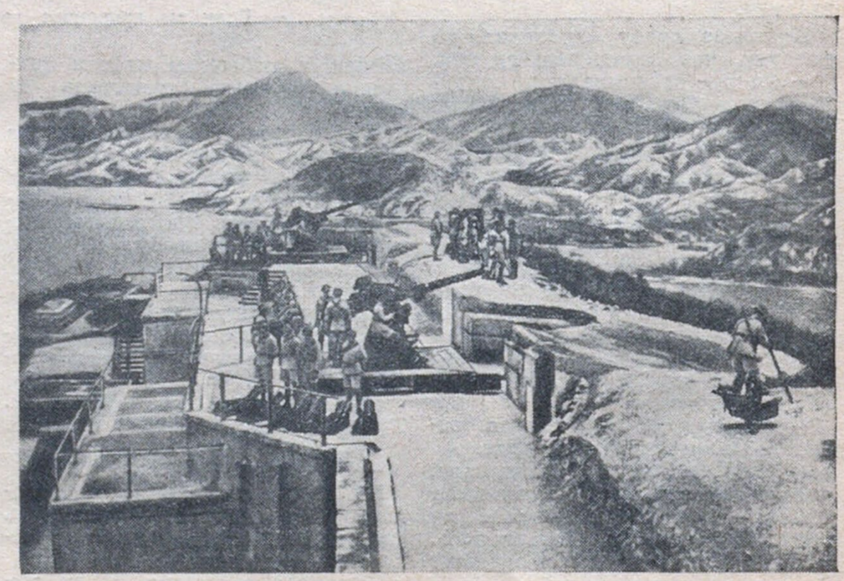
«Печать давно требует сжигания покойников, но что поделаешь с отсталым духовенством: доход-де упадет от кладбищ, да и топливо теперь дорого... Книги, как и прежде, никто не покупает, печатаются больше для удовольствия авторов... Ведомство сельского хозяйства обещало поднять для устранения засух уровень Каспийского моря, соединив его каналом с Азовским. На поднятие уровня нужно, по исчислению ученых, 300 лет... Даже в столицах нет канализации и вообще благоустройства...»

Так представлял себе нововременский фельетонист уровень жизни в нашей стране в середине XX века.

НА КОММУНИКАЦИЯХ ОБОИХ ПОЛУШАРИЙ.

Гавань на острове Ньюфаундленд, на котором создается военно-морская база США.

Английские зенитные батареи охраняют порт Гонконга от воздушного нападения.

Владимир Лифшиц

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Когда не в силах простоять
Урок перед доской,
Когда уж мел не удержать
Трясущейся рукой,
Когда не скрыть, не стушевать
Оказии такой, —
Что ж, сам себе сумей сказать:
«Пора, брат, на покой!..»
...В одиннадцать часов утра
Ребята нашего двора
Веселый испускают клич:
— Привет, Иван Кузьмич!..
Дыша в потёртый воротник,
Он тихо шествует, старик.
За ним,
Смеясь и гомоня,
Вся наша ребятня!
Несут подмышкой малыши:
Тот — лыжи,
Этот — бегаши.
А тех, что из рожка сосут,
На саночках везут.
Зима клубит морозный пар.
Крикливую семью
Старик приводит на бульвар,
Садится на скамью.
Тут незнакомых вовсе нет!
Недаром сорок с лишним лет
Учил письму и счету он
Свой Кировский район...
Проходит девушка.
Несет
В рулоне чертежи.
Узнает,
Вспыхнет,
Подойдет...
— А ну-ка, покажи!
— Пожалуйста, Иван Кузьмич!
Тут будет мрамор,
Тут — кирпич...
— А лифт?
Прикажете пешком
На эти этажи?..
Вот подошел, откозырял
Совсем не старый генерал.
— Неужто Николай Петров?..
— Он самый!
— Жив, здоров?..
Ребятам глаз не отвести
От звезд, которым так цвести!
Им глаз никак не оторвать
От звезд, которым так сверкать!..
— А кто Елену Ильину
За косы отодрал?..
— Не я, Иван Кузьмич...
— Ну, ну, товарищ генерал!..
Когда же зимний день дохнет
Морозным ветерком,
Тогда он встанет и пойдет
Домой.
А вечерком —
В жилетке древнего сукна, —
Спокоен, домовит,
Сидит он в кресле у окна
И трубочкой дымит.

АФОРИЗМЫ БЕРНАРДА ШОУ

ШОУ РАССКАЗЫВАЕТ

Девять лет подряд я писал, прежде чем хоть одно издательство решилось печатать меня.

Мой первый роман, «Immaturity», вышел в свет лишь спустя пятьдесят лет после того, как он был написан.

Издатели любезно возвращали мне мои романы и пьесы, но я не терялся и с обратной же почтой снова отсылал мои вещи тем же издателям.

В конце концов прав оказался я: я был уверен, что глупость и неразумие тоже имеют свои пределы; этого мнения я придерживаюсь и по сию пору.

* * *

Я революционный писатель, был им и останусь им всегда, ибо наши законы подрывают право, наши свободы делают настоящую свободу немыслимой, наша собственность — организованный разбой, наша мораль — бесстыдное ханжество.

* * *

Люди, которые пекутся только о своем собственном счастье, абсолютно ничтожны.

НИКЧЕМНЫЕ МЫСЛИ

Один американский издатель встретился в обществе с Шоу, который, казалось, весь ушел в свои мысли.

— Ставлю доллар, мистер Шоу, чтобы узнать, о чем вы сейчас думаете.

— Ах, мои мысли не стоят того, — небрежно ответил Шоу.

— А все же? О чем вы думаете?

— О вас, — любезно поклонился Шоу.

УЧАСТНИК

Получив налоговый лист, Шоу добросовестно заполнил в нем все графы.

В рубрике «Кто еще является участником вашего дела?» он написал:

«Министерство финансов».

ТЕХНИКА ДРАМЫ

Шоу рекомендует театральному директору пьесу молодого автора. Директор просит Шоу рассказать содержание пьесы.

— Пожалуйста, — соглашается Шоу. — Действие первое: он любит ее, она любит его. Действие второе: он любит ее, она любит его. Действие третье: он любит ее, она любит его.

Директор театра в смущении.

— Простите, — говорит он, — где же тут драматическая коллизия?

— Коллизия, — поясняет Шоу, — состоит в том, что только она на протяжении всех трех действий одно и то же лицо; он все время меняется.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Какой-то начинающий актер настойчиво просил Шоу дать ему рекомендацию в театр. Шоу согласился и дал актеру письмо следующего содержания:

«Горячо рекомендую вам актера К. Он играет Гамлета, Шейлока, Цезаря, на флейте и на бильярде. Лучше всего он играет на бильярде».

ЭПИГОН

Какой-то юноша, не очень одаренный, рассказал Шоу, как он внутренно обогащается, когда читает его произведения. В то же время чтение Шекспира совершенно обескураживает его.

— Я посоветовал бы вам, — сказал Бернард Шоу, — читать возможно меньше Шоу и возможно больше Шекспира.

РАЙ И АД

Девушка из «Армии спасения» пришла к автору «Major Barbare» и добрый час восторженно толковал ему о царстве небесном.

— Не обольщайтесь, — сказал, наконец, Бернард Шоу, — выбор местожительства и потусторонней жизни очень труден. И, может быть, климата ради, я выбрал бы царство небесное, но я все же предпочту ад ради более интересного общества.

В МЕНЬШИНСТВЕ

На премьере пьесы Шоу «Человек и сверхчеловек» автор по окончании спектакля вышел на сцену, чтобы поблагодарить бурно аплодировавшую публику. На галерке, однако, оказался зритель, который был возмущен пьесой и, не переставая, свистел.

Шоу движением руки призвал к спокойствию аплодировавших и с любезной улыбкой обратился к бунтарю:

— Дорогой друг, я целиком разделяю ваше мнение. Но что мы можем поделать? Нас только двое. Мы бессильны против всей публики.

«ИОАННА» В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Какой-то художник принес Шоу папку с рисунками — иллюстрациями к пьесе Шоу «Святая Иоанна». Рисунки были в стиле кубистов, с некоторым неодадаистским привкусом.

Так, вооруженная дева выглядела, как коробка из-под сигар, в которую воткнут карандаш, а фон рисунка напоминал плиссированный носовой платок.

Шоу не возымел желания приобрести эти рисунки как иллюстрации к пьесе, которая должна была выйти книгой, не пожелал также писать предисловия к ним, однако сказал, что эти иллюстрации заслуживают такого же успеха, как и сама «Святая Иоанна».

Художник без устали рассказывал всем об этом отзыве Шоу.

Спустя некоторое время один издатель спросил Шоу, действительно ли он дал такую оценку этим иллюстрациям.

— Да, — сказал Шоу, — но меня неверно поняли. Конечно, я не хотел сказать, что иллюстрации заслуживают такого же успеха, как моя пьеса «Святая Иоанна», я полагал, что они заслуживают такого же успеха, как историческая орлеанская дева: как известно, она была сожжена.

АНКЕТА

Одна газета провела анкету среди знаменитых людей с целью выяснить, какие двенадцать писателей современности считаются наиболее значительными.

Был спрошен по этому поводу и Бернард Шоу.

Шоу следующим образом заполнил присланную ему анкету:

«1. Георг Бернард Шоу.
2. Г. Бернард Шоу.
3. Георг Б. Шоу.
4. Гео. Б. Шоу
5. Г. Б. Шоу.
6. Г. Б. Ш.
7. Георг Шоу.
8. Бернард Шоу.
9. Георг Ш.
10. Бернард Ш.
11. Шоу.
12. Шоу Георг Бернард».

В. Сухаревич

БОЛЬШАЯ СУДЬБА

Мартеновскому цеху завода «Серп и молот» присвоено звание «Лучший мартеновский цех Союза ССР». Ему присуждено переходящее красное знамя газеты «Правда». Через день после решения жюри соревнования я был в конторке обермастера мартеновского цеха Гаврила Васильевича Свиридова. Мне предстояло написать его биографию.

Как он рос? Чем примечательно его детство?

— Тишиной! — прокричал мастер.

Упругий шум газа, сотрясение стен и перекрытий цеха, по которым передвигались краны, — все это заглушало слова Свиридова. Но он вспоминал о тишине без мечтательности и сожаления. Просто тишина была главной чертой его тихого детства, и контраст между прежней его жизнью и той, которую он начал здесь, на заводе, 12 лет назад в грохоте мартеновского цеха, становился особенно явственным.

Деревенским восемнадцатилетним парнем Свиридов приехал в Москву. Ему казалось, что столица яростно на него нападает. Он подолгу стоял на перекрестках, не решаясь ступить на мостовую. Только пролетел грохочущий, рассыпающий звенящие трели трамвай, а глядишь: прямо на тебя несется юркий, визгливый автомобиль. Первое время Свиридов боялся ходить по улице, но судьба твердо решила разлучить его с тишиной, и через несколько дней его направили чернорабочим на завод «Серп и молот». Тут он совсем растерялся. Опасности его подстерегали на каждом шагу: по путям носились вагонетки, над головой проплывали краны с горящими, огненными болванками в пасти. Он горько поплатился за свою неповоротливость. На второй день работы его придавила завалочная машина, но она не убила в нем жадного любопытства. Захотелось узнать, что за волшебники эти люди, превращающие металл в огненное варево, чтобы затем раскатывать его в листы или вытягивать в рельсы, в тончайшую проволоку.

Поденный рабочий Свиридов решил во что бы то ни стало навсегда остаться на заводе. Для этого любое поручение он выполнял старательно и благоговейно. Работал с упоением. Вскоре десятник Пузырев начал отличать его от других и посылать на более сложные работы — подвозить доломиты и хромистую руду, колоть камень для обжига доломита. Каждое такое поручение делало Свиридова счастливым. И вот настал час, когда его взяли в штат и назначили «мальчиком» на крышки печей: тогда крышки печей не открывались автоматически. Надо было вертеть ручку и силой мускулов поднимать стальную заслонку как ведро из колодца. Это тяжелый труд, но Свиридов оказался у печей в том месте, где варится сталь. Мимо его внимания не проходило ни одно действие мастера или сталевара. Он старался всячески им помогать, и сталевары оценили его рвение. Он был назначен третьим подручным сталевара. После этого у него появилась полная возможность соприкоснуться со всем процессом сталеварения.

До первой пятилетки металлургическая промышленность в стране была отсталой. Ее мастера не отличались ни высоким уровнем культуры, ни глубокими техническими познаниями. Для них уменье варить сталь было делом опыта и сноровки. Десятки лет добивались рабочие высокого звания сталевара. Прошедшие этот путь старики-сталевары Коровин, Бурцев и другие к желанию Свиридова все сразу узнать относились несколько насмешливо. И до сих пор Свиридов не может забыть случая, вызвавшего у него самый большой гнев за всю жизнь. Он показал пробу мастеру Парусинскому и спросил:

— Сколько здесь углерода?

Мастер взял из его рук пробу, посмотрел, презрительно улыбнулся и швырнул слиток металла за плечи. Это было открытое пренебрежение.

Свиридов стал изучать режим работы, следил за всеми процессами: завалкой, плавлением, кипением, тепловым режимом, — за действиями мастеров и рабочих у четырех печей. Мастера казались Свиридову колдунами из сказок. Они все знали в этом сложном большом деле. Сварить 40 тонн стали, казалось, может только необыкновенный человек.

Отработав свое время, он редко уходил из завода. В мартеновском цеху нельзя болтаться без дела, мешать, быть праздным соглядатаем. Он оставался где-нибудь в углу и подглядывал за тем, как работают мастер, сталевар и его подручные. Вечерами читал техническую литературу и все, что могло открыть ему тайны сталеварения.

Медленно, один за другим, начали открываться секреты сталеваров. Если проба после десяти ударов кувалдой не раскололась, — значит, металл готов. Если металл сливается и не пачкает ложки, — значит, можно его выпускать.

Все это кустарные приметы. Но он разобрался в этом только много лет спустя. В те времена, в 1930 году, металлургия не встала еще на высоту, которая отличает ее теперь. Приходилось полагаться на устарелые методы, которыми владели старики-сталевары. И юноша нашел пути к их сердцу. Его назначили первым подручным сталевара на седьмую печь. В это время он уже был комсомольцем, и цеховая ячейка поставила вопрос об организации комсомольской печи. Бригаду комсомольцев возглавил старый мастер Сомов, и тогда у Свиридова появилась возможность овладевать процессом сталеварения. Сомов, по обязанности, должен был оправдывать звание покровителя молодежи. И вот, бывало, сделав завалку, он говорил:

— Давайте, плавьте!

Комсомольцы начинали работать самостоятельно, а он зорко следил за ними. Он замечал каждую ошибку, Одно за другим шло приказание. Завалили печь — плавьте. Налейте пробу. Заправьте печь. Он давал указания юнцам и приговаривал:

— Нас по восемь лет у печей манежили, а вы все сразу хотите знать.

Молодежь вытягивала из мастера все его знания не только напором, но и упорным трудом. В 1932 году, уезжая в отпуск, сталевар пришел к мастеру и сказал:

— К седьмой печи сталевара не назначай. Вместо меня останется Свиридов со своими подручными.

Так во главе комсомольской печи встал сталевар-комсомолец. Впоследствии Сомов объяснял Свиридову, на чем было основано его доверие.

— Я стою, бывало, и смотрю в печь, — говорил Сомов, — думаю: надо очистить порог, не успел я еще этого подумать, а ты уже взял лом и занялся чисткой. Значит, есть у человека смекалка, сообразительность, он знает дело. Поэтому я мог поручиться за тебя, как за себя самого.

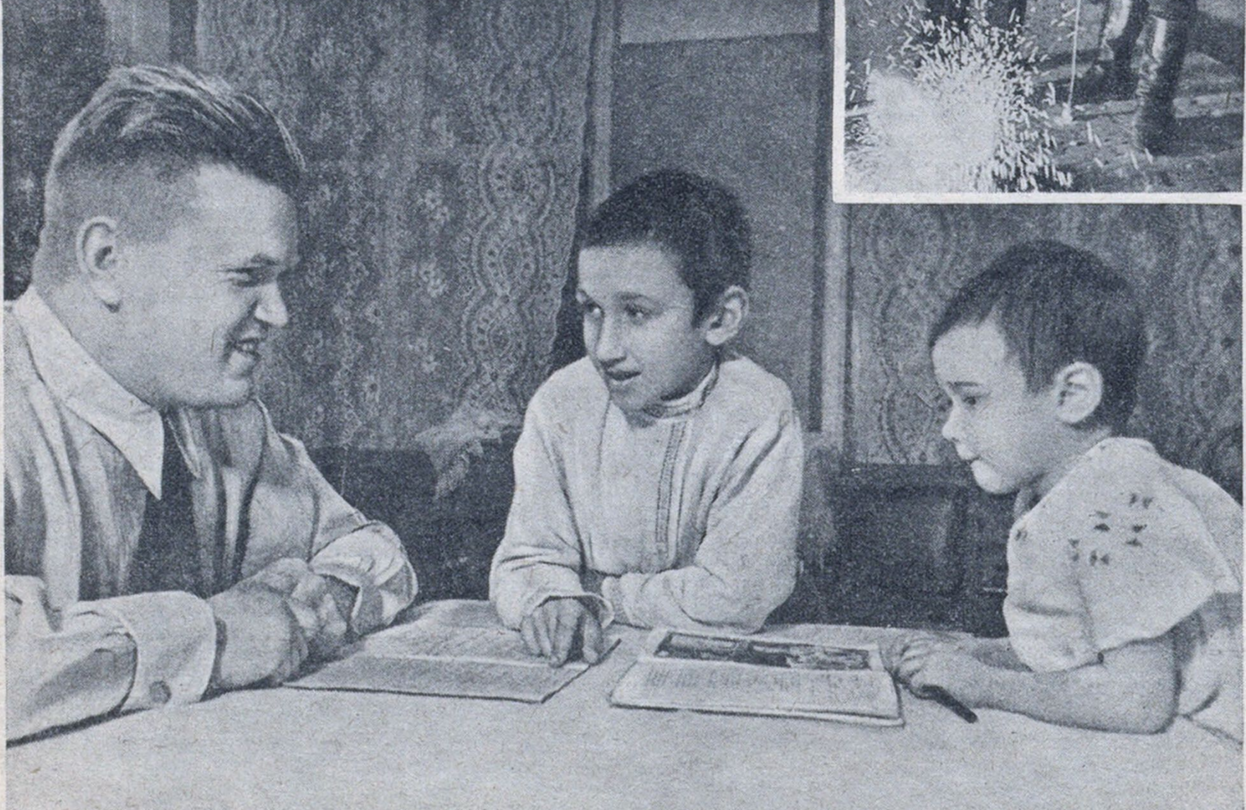
Комсомольская печь начала ставить рекорд за рекордом. На доске показателей, висевшей у входа на завод, отставшая печь прочно пересела с черепахи на автомобиль, а затем — на самолет. И вот в 1933 году было опубликовано решение советского правительства: «За систематическое перевыполнение плана и быстрое освоение техники в области металлургии наградить Свиридова Гаврила Васильевича орденом Ленина».

Таким образом, от прихода на завод до получения высшей и самой почетной в стране награды Свиридова отделяло всего четыре года. Его путь к славе был стремительным и триумфальным. Но он не отступил от традиций, уже сложившихся в стране. И на высокую награду ответил плодотворным трудом.

Металлургическая промышленность перестраивалась. Пробы «наглазок» заменили лабораторные анализы, ручной труд — электромоторы.

Из леток пошла сталь высочайших марок. При общем движении вперед Свиридов не мог отстать. Талантливого сталевара нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе послал учиться. В 1940 году, тридцати лет от роду, Свиридов закончил Академию имени Сталина. В марте он будет защищать диплом на звание инженера-металлурга.

..Так выглядит мастер индустрии, человек вдохновенного творческого труда. В нашей стране он пользуется не меньшим признанием чем великий артист.

Г. В. Свиридов дома с детьми Славой и Светланой. Вверху: в мартеновском цехе № 1 завода «Серп и молот». Г. В. Свиридов и обермастер С. В. Чесноков берут пробу стали.

Фото Л. Доренского

Фото С. Струнникова

«Дом звукозаписи» на Малой Никитской в Москве оборудован с учетом последних достижений звуко- и радиотехники.

Здесь производят записи для граммофонных пластинок, здесь же изготовляют медные матрицы для их прессования.

Фабрика звукозаписи располагает четырьмя студиями, из них три уже готовы. Двойные стены на отдельных фундаментах, тамбурные двери, тяжелые бархатные занавесы ограждают студии от звуковых помех.

В одной из студий вдоль стен установлены вращающиеся большие колонны, у которых одна половина способна поглощать звук, другая—отражать его.

...Студия «В». Ярко освещенный, устланный мягкими коврами зал. В разных местах его на нескольких тонких штативах установлены микрофоны. Идут приготовления к очередной записи.

Рядом со студией находится контрольная комната. В ней за длинным столом со множеством кнопок, ручек и рычажков, называемым микшерным пультом, сидит режиссер-тонмейстер (лицо, ответственное за качество записи). Перед ним раскрытая оркестровая партитура. Громкоговорящим переговорным устройством тонмейстер связан со студией; имеется связь с цехом записи, с центральной аппаратной. Его немногословные приказания выполняются быстро и безоговорочно.

Тонмейстер может придать звуку самую разнообразную гамму оттенков. Он то снизит мелодию до нежного пиано, то возвысит ее до напряженного, бурного фортиссимо. Он может подчеркнуть, сделать еще более сочным звучание одних инструментов и приглушить, «заретушировать» голоса других. И все это — поворотом одной из черных эбонитовых ручек. Тонмейстер должен быть и музыкантом, и радиотехником, и акустиком...

Записать пластинку нелегко. Обычно производственной записи предшествует серия «черновых» записей...

«Черновик» имеет некоторые дефекты: в одном месте вдруг слышен шум: очевидно, кто-то неосторожно двинул стулом; в другом — оркестр чуть-чуть разошелся с певцом, слишком выделилась волторна. Все это отмечает тонмейстер и в громкоговоритель дает указания музыкантам, советуется с дирижером оркестра. Наконец, можно записать «начисто».

Раздается команда ассистента тонмейстера:

— Абсолютная тишина!

В студии все замирает. Три пронзительных звонка. На экране вспыхивает световой сигнал: «Запись».

Когда дирижер поднимает палочку, чтобы повести оркестр, дежурные операторы в зале записи включают звукозаписывающие станки. Острый сапфировый резец опустился на равномерно вращающийся восковой диск. Началось фиксирование звука. На гладкой, полированной поверхности воска появились нитевидные спиральные бороздки.

Пластинка записана. Звуки музыки на долгие времена закреплены на воск.

Затем диск относят в цех металлизации и помещают в камеру вакуумной установки, чтобы сделать его поверхность способной проводить электрический ток. После откачки воздуха дают ток высокого напряжения: положительным знаком к диску и отрицательным — к золотому электроду. Молекулы золота отрываются от электрода и впиваются в поверхность воска.

Проходит 10—12 минут, и все звуковые бороздки покрываются ровной пленкой чистого золота, толщина которой измеряется в микронах. В таком виде диск отправляется в гальванные цехи. Здесь на бережно опущенный в электролитическую ванну металлизированный диск наращивают слой меди.

В гальванных цехах с этого диска гальванопластическим способом снимают несколько негативных и позитивных копий. Вторую негативную копию — матрицу — отправляют на завод, где прессуются черные шеллачные пластинки.

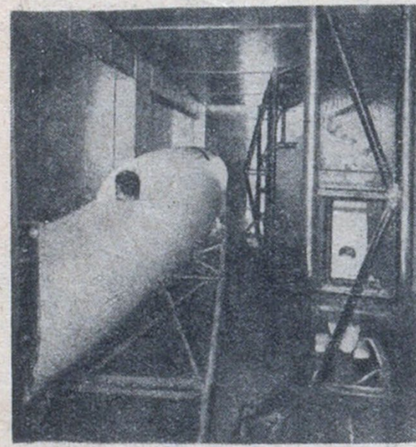

Тренировочный самолет фирмы «Тимм».

В авиационных справочниках 1940 года появилось новое обозначение — «Пм». Относится оно лишь к одной машине — к военно-тренировочному двухместному самолету «РТ-166-К», выпущенному американской фирмой «Тимм».

Фюзеляж, крылья, оперенье в этом самолете изготовлены из пластмассы по методу «аэромолд». На русском языке это звучало бы примерно как «Аэропресс». Это слово исключительно удачно вскрывает сущность нового метода. Прессовка крупных частей самолета из пластмассы — вот что является заманчивым в новом процессе. Самолет из пластмассы не собирается из сотен и тысяч мелких узлов и деталей, а просто «склеивается» из считанных частей. Сборочные операции, которые большей частью являются ручными, здесь сведены к минимуму.

Самолет из пластмассы не имеет ни единой заклепки, в нем не видно швов, его не нужно покрывать защитными красками и лаками. Он выходит из-под пресса с готовыми, идеально зализанными поверхностями. Любая сложнейшая форма может быть придана самолету за несколько ходов пресса.

Погрузка фюзеляжа и крыла в печь.

Из-под пресса выходит неограниченное количество совершенно одинаковых, взаимно заменяемых узлов самолета. Все, что есть ценного в массовом производстве, сможет быть применено в самолетостроении.

Внедрение пластмасс решает множество задач, в том числе и задачу создания легких, дешевых, огнестойких, водоупорных, коррозиеустойчивых материалов, отличающихся достаточной прочностью. Не удивительно, что в США, Англии, Германии и других странах ведутся научно-исследовательские работы по изысканию наиболее подходящих видов пластмасс для самолетостроения.

Еще в 1938 году хорошо информированный английский журнал «Эйроплейн» писал, что «на германских аэродромах видели самолеты комбинированной конструкции. Такие самолеты имеют каркас из стали или легких сплавов, облицованный панелями из пластмасс. Это является логическим шагом на пути к самолету, целиком построенному из пластмасс».

★

Работы в области самолетостроения из пластмассы строго засекречиваются всеми странами. Результаты испытания первого американского самолета «Кларк-46» с фюзеляжем из пластмассы дюрамолд стали известны лишь после того, как этот пятиместный пассажирский самолет налетал 1600 часов. Точный состав дюрамолда до сих пор неизвестен.

Самолет «Кларк-46» оказался своеобразной летающей лабораторией, где в эксплоатационных условиях производились сравнительные испытания дюрамолда. В этом самолете лишь фюзеляж был изготовлен из дюрамолда, крылья же были обыкновенной деревянной конструкции (в которой применялась улучшенная древесина). После 1600 летных часов фюзеляж из пластмассы остался совершенно не тронутым, плоскости же самолета сильно износились.

А между тем основным сырьем в том и другом случае является древесина. Тот же шпон (тонкие древесные листы), идущий на изготовление авиационной фанеры, служит наполнителем для дюрамолда. Применение пластификатора (повидимому, из феноловых смол) дало возможность превратить древесину в совершенно другой материал. Дюрамолд напоминает древесину лишь своим небольшим удельным весом. Это твердый материал, не поддающийся деформации и всегда сохраняющий гладкую, полированную поверхность. Дюрамолд не боится ни огня, ни воды. На него не действуют ни бензин, ни масло. Он вообще отличается высокой коррозиеустойчивостью.

★

С момента опубликования первых результатов испытания самолета «Кларк-46» прошло не более двух лет.

Теперь уже есть самолеты, которые почти целиком изготовляются из пластмассы. Совсем недавно в американской авиационной печати появилось первое описание производства самолетов из пластмассы на заводе фирмы «Тимм».

При помощи специального шаблона собирается остов половинки фюзеляжа (или крыла). Шаблон покрывается во всю длину тремя слоями узких тонких полос авиационной ели (спруса). Затем древесина обильно пропитывается при помощи окрасочного пистолета жидким пластификатором. Корпус половинки фюзеляжа теперь напоминает просмоленную лодку.

После того как пластификатор затвердевает, половинка фюзеляжа снимается с шаблона и подается под пресс, где одновременно происходят два основных процесса. Под прессом половина фюзеляжа приобретает требуемую форму и точные размеры. Одновременно древесина и пластификатор как бы «сплавляются», образуя совершенно новое однородное вещество — аэромолд. Следует отметить, что этот процесс происходит без нагрева. Из-под пресса половинка фюзеляжа, или крыла, выходит с совершенно гладкой, как бы «металлической» поверхностью. Затем на большом шаблоне собираются обе половинки фюзеляжа, причем они склеиваются там же пластификатором.

Склеенные таким образом фюзеляжи, крылья, оперенья покрываются еще одним слоем пластификатора и затем помещаются в большую печь, где они спекаются при температуре в 82—115° Ц. В печи части самолета остаются несколько часов. После выдержки в печи швы становятся совершенно незаметными, фюзеляжи и крылья выглядят, как литые.

Учебный самолет из пластмассы для гражданской авиации.

Сборка самолета происходит при помощи простых крепежных устройств. После сборки самолет не требует внутренней отделки. Все сиденья, приборные доски и т. п. монтируются во время соединения обеих половинок фюзеляжа.

Теперь остается лишь прикрепить шасси, установить мотор и приборы. Кстати, пропеллеры в настоящее время выпускаются также из пластифицированной древесины. Выпущенный фирмой «Тимм» военно-тренировочный самолет из пластмассы обладает следующими данными: размах крыльев — 10,5 метра, длина фюзеляжа — 8 метров, высота — 2,1 метра, вес пустого самолета — 620 килограммов, полезный груз — 300 килограммов, максимальная скорость — 220 километров в час, потолок — 5300 метров, радиус действия — 800 километров, мощность мотора — 160 лошадиных сил.

О прочности и огнестойкости «аэромолда» можно судить по проведенным испытаниям. На лист стандартного авиационного металла и на лист пластмассы был брошен с высоты двух метров шар весом в 4 килограмма. На металлическом листе он оставил глубокую вмятину и вызвал общую деформацию всего листа. На листе пластмассы мяч не оставил никакого следа. Еще более поразительный результат дало испытание пламенем. Пламя газовой горелки прожигает металл. Пластмасса остается нетронутой.

Благодаря своей естественной зализанности самолет фирмы «Тимм» имеет выигрыш в скорости на 25%.

Фирма «Тимм» предполагает приступить к выпуску скоростного самолета по типу «Говарда Юза», который будет развивать скорость в 650 километров в час при моторе в 1200 лошадиных сил.

Выступая перед представителями печати, главный инженер фирмы заявил, что, судя по испытаниям военно-тренировочного самолета, можно считать вполне реальным создание в ближайшем будущем боевых и транспортных самолетов из пластмассы.

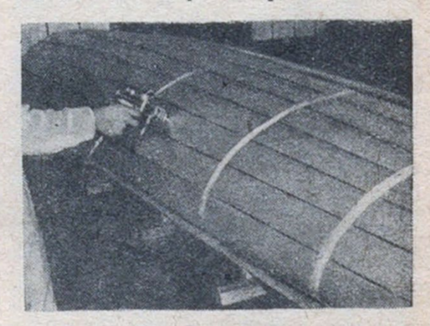
Самолеты из пластмассы будут обладать исключительно ценными для боевой авиации качествами. Они не только отличаются повышенной огнестойкостью, но и меньшей уязвимостью. В самолете из пластмассы вся плоскость является несущей конструкцией. Даже многочисленные пробоины вследствие попаданий пуль и шрапнели не приведет к разрушению самолета.

В некоторых странах, повидимому, ведутся работы по изысканию легкой брони из пластмассы для самолетов. Наконец, общеизвестно, что в современных боевых самолетах кабины и турели покрываются прозрачной, небьющейся пластмассой.

В статье, посвященной первому военно-тренировочному самолету из пластмассы, один американский журнал пишет:

«Скоростное строительство самолетов стало теперь вопросом жизни или смерти... Самолеты из пластмасс можно будет выпускать в количествах, превосходящих всякое воображение».

Покрытие деревянного каркаса пластификатором.

В США над освоением самолетов из пластмассы в настоящее время работают четыре фирмы.

И. МИШЕЛЬ

М. Поляновский

СЕРГЕЙ УТОЧКИН

Двадцать пять лет тому назад в газетах появилась коротенькая, в две строчки, телеграмма:

> «В Петрограде скончался от кровоизлияния в мозг С. И. Уточкин».

Он умер 13 января 1916 года (31 декабря 1915 года по старому стилю). Ему было около сорока лет.

Сергей Уточкин — самый отважный и разносторонний спортсмен конца XIX и начала XX столетия, один из первых русских авиаторов.

Вместе с Уточкиным как-то поднимался в воздух на аэростате писатель А. И. Куприн. О своем полете он написал очерк, посвятив Уточкину следующие строки:

«...об этом наиболее своеобразном человеке, какого я только видел в своей жизни, я должен — извиняюсь перед ним за нескромность—поговорить подробнее. Да и то сказать: если есть в Одессе два популярных имени, то это имена Бронзового Дюка, стоящего над бульварной лестницей, и С. И. Уточкина.

Уточкин — это кумир рыбаков, велосипедистов всех названий и возрастов, женщин, жадных до зрелищ, и уличных мальчишек. Он сам рассказывает о себе в юмористическом тоне: «Я очень п-популярен в Одессе. Когда я еду по улице на машине, то уличные мальчишки бегут за мною и дразнятся: «Уточкин, рыжий пес». И действительно: он рыж, этот рыжеволосый, светлоресницый, синеглазый человек, выше среднего роста, с головой, уходящей немного между плеч, коротконогий и длиннорукий, и правда, что в его нешироком, но плотном сложении невольно чувствуется звериная ловкость, сила и находчивость... Он самый страстный спортсмен в мире, какого только можно себе вообразить. Он перепробовал почти все виды спорта, но, достигнув в каждом из них верха, тотчас же переходил к другому спорту.

Так он сделался первоклассным циклистом и приобрел себе известность на всех циклодромах Европы; потом его увлекли автомобильные состязания, во время которых он развивал страшную скорость — по полтораста километров в час; затем парусные гонки, затем самый свирепый и кровавый бокс, затем уже полеты на аэростатах. И повсюду он достигал наивозможного совершенства. Теперь он бредит аэропланами.

...Я бы, не задумавшись ни на одну секунду,— писал Куприн,— полетел с нашим пилотом на его будущем аэроплане, точно так же, как я пошел бы с этим человеком на всякое предприятие, требующее смелости, риска, ума и звериной осторожности».

Сергей Уточкин был уроженцем Одессы. С детства он привык к морю, толкался среди рыбаков, прекрасно плавал, греб, управлял яхтами.

К десяти годам он остался круглым сиротой. Сережу отдали «на воспитание» к учителю Заузе — алкоголику. Семья Заузе жила впроголодь. В припадке отчаяния Заузе повесился. Обезумевшая от горя жена схватила кухонный нож, зарезала своих детей, а сама бросилась с балкона. Сережа был свидетелем этой ужасной сцены. От потрясения он лишился дара речи и потом уже на всю жизнь остался заикой.

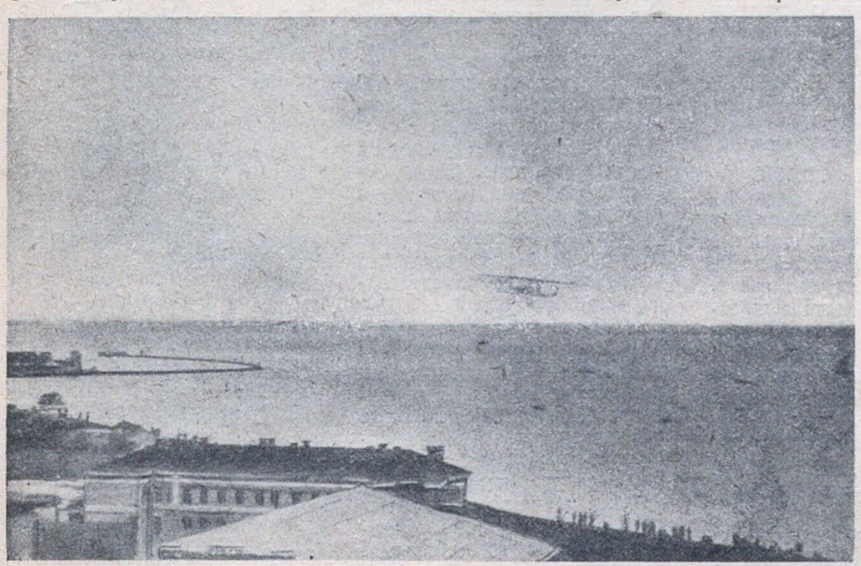
Свою карьеру спортсмена Уточкин начал в 1894 году. Еще будучи гимназистом, он выступал на местном циклодроме как велосипедист-любитель, затем — в качестве профессионала.

Его выступления привлекали на одесский циклодром тысячи зрителей. Слава Уточкина росла: о нем знали заграницей, в Париже он принимал участие в розыгрыше grand prix.

Сергей Исаевич Уточкин первый в Одессе ездил на мотоцикле и на автомобиле, первый изучил игру в футбол и создал в родном городе две команды. Одну возглавлял он сам, другую — велосипедист Крупников.

★

В начале века Одессу стали навещать заграничные аэронавты. Их публичные полеты на воздушных шарах не давали покоя Уточкину, изведавшему все виды спорта, и он уговорил аэронавта Витолло взять его с собой в полет. Побывав однажды в воздухе, Уточкин твердо решил летать.

Сотый полет С. И. Уточкина над морем. Одесса. 1911 год. (Кадр из киножурнала Патэ. Воспроизводится впервые).

Сергей Исаевич Уточкин.

Летом 1905 года в Одессу прибыл из-за границы аэронавт Отто Брунер. При первом же полете он потерпел аварию: его шар упал в море, но был оттуда извлечен. Брунер уехал, продав шар антрепренеру. В Одессе оказался свой воздухоплаватель, начавший совершать публичные полеты. Это был Сергей Уточкин.

В те годы весь мир уже говорил об аэропланах—летательных машинах тяжелее воздуха,— о замечательных полетах братьев Райт, Блерио и Фармана. В России о полетах на аэропланах знали только понаслышке.

Уточкин мечтал обучиться пилотированию, но для учебы и покупки дорогой машины у него не было денег. Одесский банкир Ксидиас предложил ему поехать во Францию, к Фарману, изучить летное дело при условии, что после обучения Уточкин будет числиться на службе у банкирского дома. Устройство полетов и доход с них закрепляются за хозяином.

Уточкин не принял коммерческого предложения, и Ксидиас послал к Фарману мотоциклиста Ефимова.

Первый полет Ефимова по возвращении из Парижа состоялся на Одесском ипподроме. Для его полетов Ксидиас приобрел биплан.

Ефимов не долго пробыл в Одессе: он уехал обратно в Париж. Тогда местный табачный фабрикант купил у банкира самолет и предложил Уточкину совершать на нем полеты. Ночью в ресторане «вспрыскивали» покупку. Неожиданно для всех Уточкин сказал:

— Я п-полечу сегодня или н-никогда.

Сергей Исаевич имел крайне смутное представление об управлении аппаратом, но никакие уговоры не могли остановить его.

Отправились на ипподром. Уточкин сел за руль биплана и произнес одно только слово «К-кон-такт».

Аппарат долго мчался по беговой дорожке, у самого обрыва оторвался от земли, поднялся в воздух. Уточкин по прямой полетел в Люстдорф (в 22 километрах от Одессы), где и совершил удачную посадку.

— Ну в-вот, видите,— сказал он.— В-ведь я сказал, что п-полечу сегодня или н-н-никогда.

С этой ночи Сергей Уточкин стал авиатором.

★

Свой юбилейный, сотый полет он совершил над морем. Многие одесситы помнят июльский день 1911 года, когда Уточкин на аппарате, состоявшем из проволоки, фанеры и кусков брезента, поднялся с территории Одесской выставки и пролетел над морем.

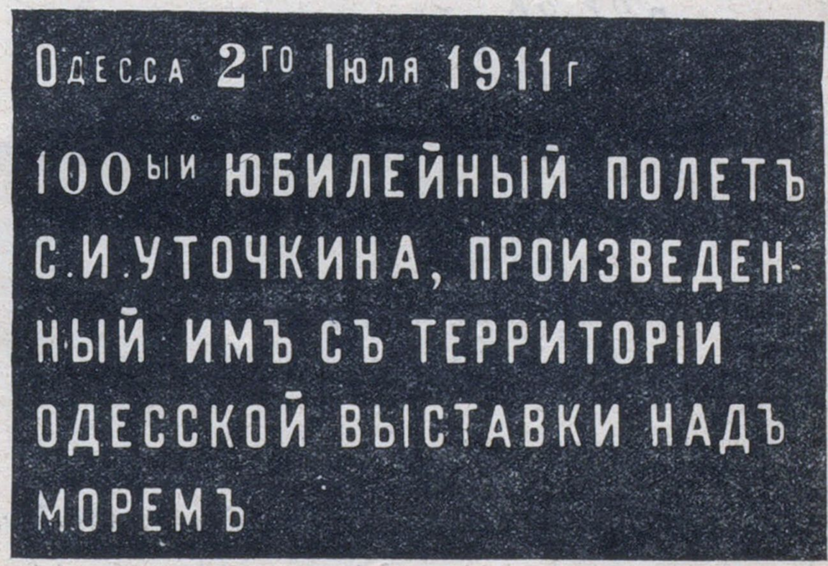
Сергей Уточкин совершил сотни полетов, впервые появляясь в городах, где никогда не видели ни аэроплана, ни авиатора. Но не всегда его полеты на далеко не совершенных машинах проходили удачно.

В июле 1911 года, во время перелета Петербург — Москва, аппарат Уточкина при спуске силой ветра отнесло к обрывистому берегу реки. Уточкин упал в воду. Его спас случайно находившийся поблизости крестьянин. У авиатора обнаружили перелом правой ключицы, вывих левой подколенной чашечки и сотрясение мозга. Аэроплан погиб.

В Одессе открыли сбор средств на лечение Уточкина и на приобретение аэроплана. Но когда Уточкин узнал об этом, он попросил послать в одесские газеты телеграмму с решительным отказом принять помощь.

Уточкин всегда жестоко нуждался. На его полетах наживались только антрепренеры. Сам он мечтал о широком развитии авиации, о применении ее в будущих войнах. Он даже пытался доказать это царю, проник в Зимний дворец, но его вытолкали оттуда, избили и объявили сумасшедшим.

То, о чем мечтал заикающийся романтик, совершилось после Октябрьской революции: авиация нашей страны стала лучшей в мире авиацией.

Титр (надпись) из киножурнала Патэ о сотом полете С. И. Уточкина (воспроизведено с кинокадра).

В Лондоне: тушение пожара после ночной бомбардировки.

ВОЗДУШНАЯ БОМБАРДИРОВКА В 1849 ГОДУ

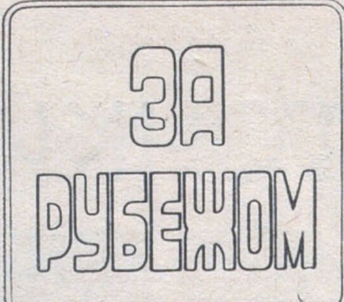
Идея бомбардировки городов с воздуха возникла уже во время войны 1849 года. Об этом сообщает швейцарский журнал «Новости и изобретения».

Ухатиус, молодой офицер австрийской армии, разработал план, целью которого была воздушная бомбардировка Венеции. Австрийский генеральный штаб поддержал Ухатиуса и его брата, которые применяли для своих опытов воздушные шары «Монгольфьер», наполненные горячим воздухом.

Летом 1849 года план братьев Ухатиус был осуществлен. Австрийское правительство предоставило в их распоряжение военный корабль. Изобретатели пустили сначала пробный шар, а после того, как было установлено, что шар уходит в нужном направлении, за ним были пущены другие. Каждый из них имел на гондоле бомбу весом в 10 килограммов и был снабжен приспособлением, регулирующим падение бомбы.

Большинство бомб не попало в цель, и эта первая в истории человечества бомбардировка с воздуха не причинила большого ущерба Венеции. Однако моральное воздействие на население было огромно.

Австрийский генеральный штаб потребовал от изобретателя немедленного повторения этой воздушной операции. В итоге повторной воздушной бомбардировки четыре человека были убиты, сорок ранены.

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЦЕНЗУРЫ

Лондонский корреспондент газеты «Нью-Йорк пост», обозленный строгостями английской военной цензуры, отправил редакции своей газеты следующую телеграмму о воздушном налете на Англию:

«Неизвестного числа неустановленное количество бомбардировщиков совершило налет на некоторый район некоего европейского государства. Никакой погоды не было, а если бы таковая и имела место, то это — военная тайна. Сигнал тревоги был дан в неопределенный час. Нигде не причинено никакого ущерба».

КАК ВЫДЕРЖАТЬ ДВОЙНОЙ СЕАНС

Во многих американских кинотеатрах идут двойные сеансы. Такой сеанс длится около четырех часов. Киножурналы печатают советы врача — «Как выдержать двойной сеанс». Этих советов довольно много, но два из них стоит привести:

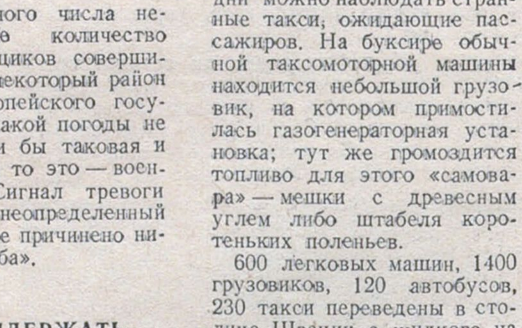
«1. Старайтесь почаще закрывать глаза, по крайней мере на несколько секунд.

2. Если это возможно, постарайтесь снять ботинки во время сеанса».

Обо всем позаботился представитель медицины — о глазах, о ногах кинозрителей. О мозгах, забиваемых в течение четырех часов кинодребеденью, он предпочел умолчать.

На улицах Копенгагена: все население на велосипедах.

НУЖДА УЧИТ

У театров, ресторанов и вокзалов Стокгольма в эти дни можно наблюдать странные такси, ожидающие пассажиров. На буксире обычной таксомоторной машины находится небольшой грузовик, на котором примостилась газогенераторная установка; тут же громоздится топливо для этого «самовара» — мешки с древесным углем либо штабеля коротеньких поленьев.

600 легковых машин, 1400 грузовиков, 120 автобусов, 230 такси переведены в столице Швеции с жидкого на твердое топливо. К концу года вследствие нехватки в горючем предполагалось перевести на газогенераторные двигатели значительную часть шведского автотранспорта.

В Дании можно видеть автомобили, передвигающиеся при помощи «всамделишных» лошадиных сил; этот оригинальный способ транспорта объясняется все тем же отсутствием жидкого горючего. Наряду с широким применением газогенераторных двигателей значительно возросло и без того большое применение в этой стране велосипеда. Их насчитывается теперь 3800 тысяч (до войны — 1750 тысяч).

Еще одно новшество, продиктованное нуждой военного времени: «твердое» топливо из... газет. Его применяют в Швейцарии. Там нашлись предприимчивые люди, которые прессуют «мячики» из газетных листов; нескольких десятков таких «мячиков» достаточно, чтобы немного обогреть комнату. На улицах швейцарских городов функционируют бродячие «фабрики» этого топлива. Жители приносят с собой пачки старых газет, которые тут же, в присутствии публики, подвергаются прессовке.

В Швейцарии: бродячая «фабрика» топлива из... газет.

КАЛОШИ... В ЗОНТИКЕ

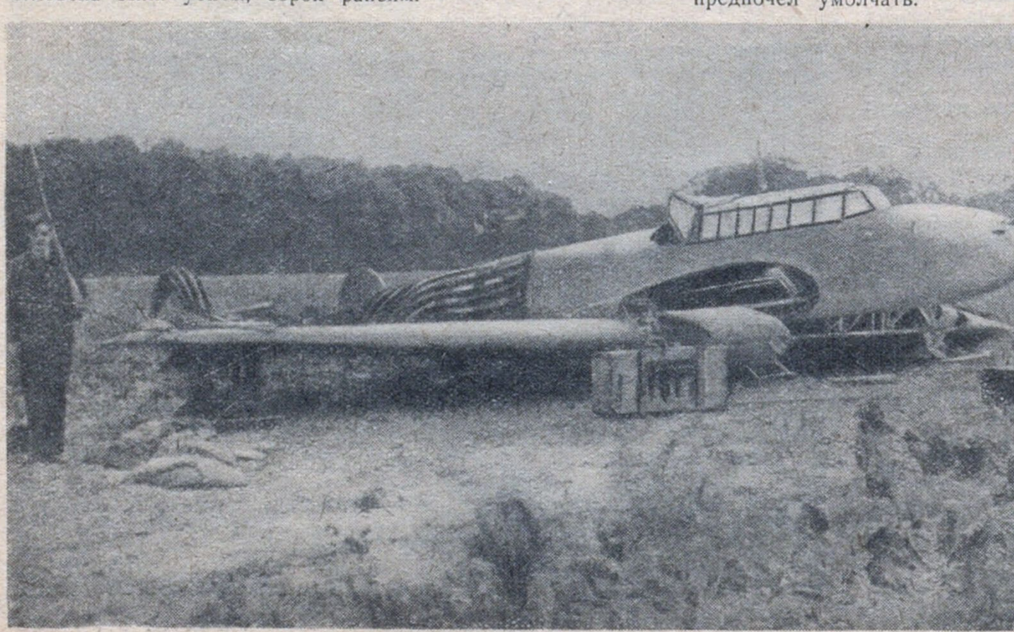
Надевать или не надевать калоши? Этот вопрос не волнует больше владелицу оригинального зонтика, показанного на этом рисунке. Достаточно ей решить в пасмурный день захватить с собой зонтик, чтобы, по выражению американской рекламы, «быть защищенной с ног до головы».

Дело в том, что в раздвоенной наподобие бинокля ручке зонтика свободно умещается пара легких полукалош.

Двойная ручка изготовлена из легкой цветной пластмассы под цвет зонтика.

Вращающаяся крышка из пластмассы прикрывает «гнезда» для калош.

Образец зонтика-футляра для калош, показанный на фотоснимке справа, воспроизведен в американском журнале «Модерн Пластикс».

После воздушного налета на Англию: сбитый германский бомбардировщик.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПАРАШЮТНАЯ ВЫШКА НА 22 ЧЕЛОВЕКА

На территории Всемирной выставки в Нью-Йорке построена гигантская парашютная вышка — высотой в 75 метров. Эта вышка позволяет одновременно совершать прыжки на 11 парашютах. На каждом парашюте могут одновременно спускаться 2 человека.

ГИГАНТСКИЙ ТЕЛЕСКОП

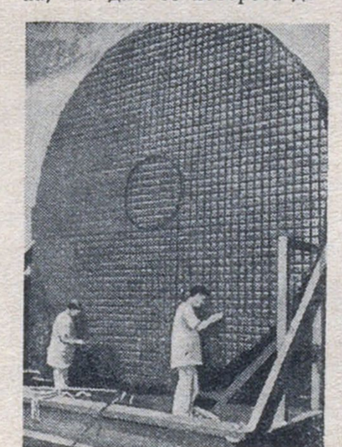
Для обсерватории на горе Паломар (США) строится величайший в мире телескоп, объектив (рефлектор) которого имеет в диаметре свыше 5 метров. Самый большой рефлектор в мире, установленный в обсерватории Маунт-Вильсон, имеет в диаметре 2,58 метра. По оптическим своимсвойствам новый рефлектор будет в 4 раза мощнее.

При таких размерах рефлектора уже приходится считаться с прогибом стекла под собственным его весом. Этот прогиб мог бы достигнуть 25—50 микронов.

Труба телескопа так длинна, что научные сотрудники будут подниматься к ее вершине (к рефлектору) лифтом. Это и не удивительно, так как башня, где будет помещаться телескоп, имеет высоту четырнадцатиэтажного дома.

Научные сотрудники, обслуживающие различные части телескопа, будут сообщаться между собой по телефону.

Несмотря на огромные размеры трубы телескопа она так точно сбалансирована, что для ее поворота до-

статочно будет применить мотор мощностью 0,5 лошадиной силы.

В зависимости от изменений погоды (облачности, температуры воздуха и т. д.) в «наводку» астрономической трубы автоматически вносятся поправки.

Строительство гигантского телескопа обойдется в 6 миллионов долларов.

БУМАГА ИЗ ГЛИНЫ

В Массачузетском технологическом институте разработан способ получения бумаги из глины. Высушенная и размельченная в порошок, глина взвешивается в воде. При этом более тяжелые, инородные частицы оседают; взвешенные в воде частицы глинозема и кремнезема после выпаривания воды образуют железобразную массу, которая подвергается соответствующей химической обработке. В процессе этой обработки ультрамикроскопические минеральные волокна сплетаются друг с другом примерно так же, как сплетаются волокна при выработке бумаги из древесной массы.

Как указывают американские журналы, эта «минеральная бумага» не только заменяет обычную бумагу, но во многих отношениях превосходит ее. Она водонепроницаема, подвержена разрушающему действию внешних условий значительно меньше чем бумага из древесной и тряпичной массы; волокно ее чрезвычайно тонко, что позволяет получать прекрасные результаты в полиграфии (особенно в иллюстрационном деле). Сфера применения «минеральной бумаги» очень широка. Помимо писчей и типографской бумаги из глины можно вырабатывать прозрачную, похожую на целофан оберточную бумагу, химические фильтры, отличающиеся большой кислотоустойчивостью, изоляционный материал для обмотки электрических кабелей.

Толстые листы «минеральной бумаги» могут заменить даже слюду.

МАШИНА-ЗЕМЛЕКОП ДЛЯ ВОЕННЫХ ЦЕЛЕЙ

Землебурильные машины, применяемые на строительстве телеграфных линий, в последнее время приспособлены, по заданию американской армии, для рытья «волчьих ям» против танков, ускоренной закладки мин и фугасов, подрывных работ и т. д.

Землебурильный агрегат монтируется на шасси тяжелого грузовика (сзади) и приводится в действие от двигателя грузовика.

Землебурильный агрегат быстро роет ямы глубиной до 15 метров и диаметром свыше 1 метра. Стреле агрегата может быть придан любой угол наклона (до 45°), что позволяет устранвать «ловушки» любого типа.

Машина-землекоп показана на фото справа.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК-АВТОМАТ

В штате Миннесота (США) на опасных участках (на поворотах, пересечениях, гребнях холмов) установлены новые дорожные знаки, которые автоматически сигнализируют водителю, с какой скоростью он приближается к дорожному знаку.

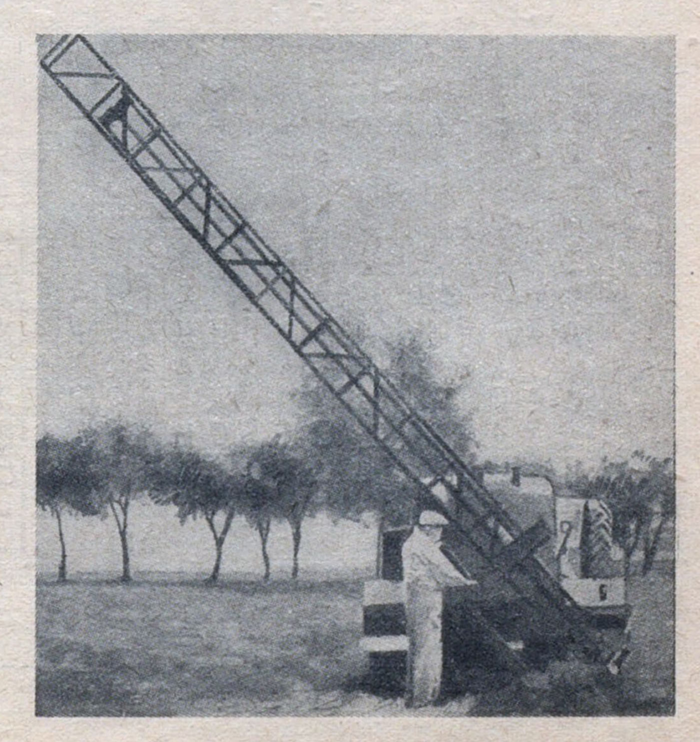
Механизм сигнального аппарата управляется двумя электромагнитными детекторами, установленными на известном расстоянии от дорожного знака.

Между первым и вторым детекторами соблюдается интервал в 12 метров.

В момент прохождения машин над первым детектором в сигнальный аппарат поступает импульс, который автоматически включает освещение дорожного знака. Затем, когда машина проходит над вторым детектором, в аппарат поступает второй импульс, включающий освещение шкалы указателя скорости. Аппарат автоматически высчитывает по интервалу между двумя импульсами скорость машины. Расстояние, пройденное машиной за это время, всегда одно и то же — 12 метров.

На верхнем рисунке изображен дорожный знак-автомат. Надпись гласит: «ВПЕРЕДИ ПОВОРОТ. Вы идете со скоростью свыше 30... 40... 50... 60 миль. Дорожный департамент штата Миннесота». На рисунке слева показана схема расположения детекторов.

Высчитав мгновенно скорость машины, автомат освещает на шкале одну из этих цифр.

ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

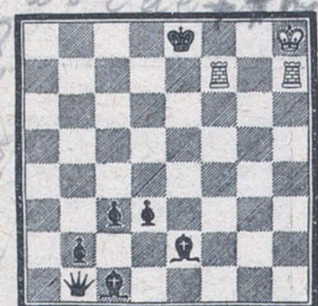
Ладьи на 7-й горизонтали

Шахматисты-практики превосходно знают разрушительное действие сдвоенных ладей на 7-й горизонтали.

Во многих партиях решающую роль сыграли ладьи, захватившие 7-ю горизонталь.

Этюдная композиция также не раз возвращалась к использованию этой темы. Замечательным примером, иллюстрирующим силу ладей и методы использования сдвоенных ладей на предпоследней горизонтали, является следующая позиция:

Белые: Крh8, Лf7, h7 (3).
Черные: Крe8, Фb1, Сс1, е2 пп. b2, с3, d3 (7 +).

Белые начинают и выигрывают.

У черных большое материальное преимущество, но активные белые ладьи форсируют мат черному королю.

1. Лf7—e7 + Крe8—d8
2. Лe7—d7 + Крd8—c8

Задача белых — с темпом перевести ладью h7 на g7, но черные этому препятствуют. Если бы они сыграли 2. Крe8, то после 3. Лhe7 + Крf8 4. Лg7 Крe8 5. Лb7 черные не могли бы защититься сразу от двух угроз мата. Поэтому лучший шанс — перевод короля на поле а8.

3. Лd7—c7 + Крc8—b8
4. Лc7—b7 + Крb8—a8
5. Лb7—a7 + Крa8—b8
6. Лh7—b7 + Крb8—c8
7. Лb7—f7!! . . . . .

Блестящая идея! Выясняется, что плохо сразу играть 7. Лg7?, ввиду 7. Фа2!, защищаясь сразу от двух матов. После 8. Л : а2 b1Ф 9. Ла8 Фb8 10. Лg8 + Крс7 11. Л : b8 белые выигрывают нового ферзя, но партии выиграть не могут, так как за сильные черные пешки с3 и d3 им придется жертвовать ладьи.

7. . . . Крc8—b8
8. Лa7—d7 . . .

Белые должны с таким расчетом строить матовую сеть, чтобы в защите не могли принять участие черные фигуры. Поэтому плохо 8. Лae7 из-за 8. Cg4.

8. . . . . Крb8—c8
9. Лd7—e7 Крe8—d8
10. Лe7—b7 . . . .

И здесь плохо 10. Ла7 Крe8 11. Лg7 Фа2 12. Л : а2 Cf3, и выигрывают уже черные.

10. . . . Крd8—c8.

Теперь уже 10. Крe8 проигрывает после 11. Лg7.

11. Лf7—c7+ Крc8—d8
12. Лc7—g7! . . . .

Цель белых достигнута: ладья попала на g7 в тот момент, когда защита 12. Фа2 уже не помогает.

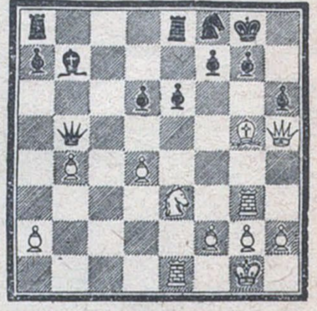
12. . . . . Крd8—c8
13. Лb7—e7 . . . .

Но не 13. Лbf7? из-за 13. Cg5.

13. . . . Крc8—d8
14. Лe7—f7 Кр8—e8
15. Лf7—b7 . . . .

Теперь у черных от грозящего мата на b8 или g8 нет защиты.

Ладья, захватившая 7-ю горизонталь, часто производит разрушительные действия, не только поддержанная второй ладьей, но и во взаимодействии с другими фигурами. Приводим пример комбинации, основанной на силе ладьи, попавшей на предпоследнюю горизонталь:

Белые начинают и выигрывают.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» А. М. ЯКОВЛЕВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Совет.
3. Химическое соединение.
6. Рыба.
13. Материал для скульптурных работ.
15. Деятель французской буржуазной революции.
17. Повесть Чехова.
18. Растение жарких стран.
19. Род упаковки.
20. Единица измерения электрического напряжения.
22. Профессия в области промышленности; ученый.
24. Знаменитый русский художник.
26. Соревнование в велосипедной гонке.
27. Потомок от брака между белыми и неграми.
29. Драгоценный камень.
32. Площадка для молотьбы.
33. Точка пересечения меридианов.
35. Модель, предварительный образец.
37. Сильный холод.
38. Представитель одной из народностей СССР.
39. Противоположная зениту точка небесной сферы.
41. Знаменитый английский трагик.
42. Старое название Бейпина.
44. Принадлежность школьника.
46. Созвездие.
48. Моральный недостаток.
49. Персидский царь.
51. Исторически сложившаяся общность людей.
54. Крейсер, на котором произошло восстание в 1905 году.
55. Знаменитый французский драматург.
57. Народный оратор.
58. Летчик.
59. Продукт труда, предназначенный для обмена или продажи.
60. Частица, оторвавшаяся от кометы.
62. Главное действующее лицо литературного произведения.
64. Основной материал в продукции издательств.
65. Хищный зверек.
68. Приток Рейна.
69. Наместник Иудеи в начале I века.
71. Небольшое судно.
73. Военное звание.
75. Монета.
76. Форма литературного произведения.
77. Торжественный смотр войск.
78. Профессия в отрасли техники.
79. Произведение Гете.
80. Кочевник.
82. Материал для утепления одежды.
84. Рыба.
86. Животное.
88. Мера веса.
89. Расточитель.
91. Государственный деятель России XVIII века.
93. Время года.
94. Озеро в Закавказье.
96. Побудительная причина.
98. Нагорье в Азии.
100. Преступление.
101. Знаменитый русский трагик.
102. Ущелье на Кавказе.
103. Монета.
104. Танец.
105. Народ, живущий в некоторых областях Франции и Испании.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Французский композитор.
2. Разговор.
4. Ссуда.
5. Драгоценный камень.
7. Род литературной деятельности.
8. Растение.
9. Система револьвера.
10. Название повести Гоголя.
11. Русский поэт.
12. Связка цветов.
14. Часть лица.
15. Один из легендарных основателей Рима.
16. Первый русский правитель.
17. Вселенная.
21. Плод цитрусового дерева.
22. Историческое озеро на Дальнем Востоке.
23. Идол.
25. Опухоль.
27. Часовая фирма.
28. Цветок.
30. Тропическое растение.
31. Народ, живущий на крайнем севере СССР.
33. Изобретатель радио.
34. Виновник Троянской войны.
36. Римский историк.
37. Нелюдим.
40. Гениальный голландский живописец.
43. Руководитель хора в древнегреческой трагедии.
45. Порт в Греции.
47. Недоказанное положение, принимаемое на веру.
48. Взрывчатое вещество.
49. Небольшое судно.
50. Учитель красноречия в древней Греции.
52. Город в Англии.
53. Здание на аэродроме.
55. Музыкальный и сигнальный инструмент.
56. Библейское имя.
61. Форма литературного произведения.
63. Часть одежды.
64. Животное.
66. Город в бывшей Польше.
67. Насекомое.
69. Известный ученый-стратонавт.
70. Сорт вина.
72. Животное.
74. Овощ.
75. Мебель.
76. Костяк.
81. Одно из названий врача.
83. Древнее стенобитное орудие.
84. Вид табачной продукции.
85. Величайший поэт древности.
87. Штат в США.
88. Домашняя утварь.
89. Город в Италии.
90. Знаменитый французский актер.
92. Предмет домашнего обихода.
94. Герой средневековых испанских романсов.
95. Потеря в весе волокнистых веществ при обработке.
97. Земляная насыпь.
98. Остроконечная горная вершина.
99. Выдающийся немецкий композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 36 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Автосани. 6. Шевченко. 12. Диалектика. 13. Монтевидео. 16. Серов. 20. Марна. 25. Палаш. 27. Керамика. 28. Наутилус. 30. Одер. 31. Кадет. 32. Кале. 33. Механика. 34. Ресторан. 35. Чара. 36. Рампа. 39. Гавр. 40. Мидия. 41. Фон. 42. Икс. 43. Химия. 44. Рамо. 46. Ворот. 49. Укус. 50. Маклов. 54. Дон. 55. Сарафан. 59. Враги. 60. Омар. 62. Лото. 63. Обрыв. 64. Набат. 65. Гораций. 66. Пожар. 67. Мирбо. 69. Овод. 71. Село. 73. Мекка. 76. Рубикон. 79. Ром. 81. Реторта. 84. Лоза. 85. Карат. 87. Шнур. 88. Армия. 89. Маг. 90. Рея. 91. Левин. 92. Кедр. 94. Руссо. 97. Ярус. 98. Пирамида. 99. Розмарин. 100. Лань. 101. Драже. 102. Утка. 103. Медицина. 104. Мадригал. 106. Ситец. 107. Гаага. 110. Доска. 117. Метафизика. 118. Метрополия. 119. Практика. 120. Аэродром.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

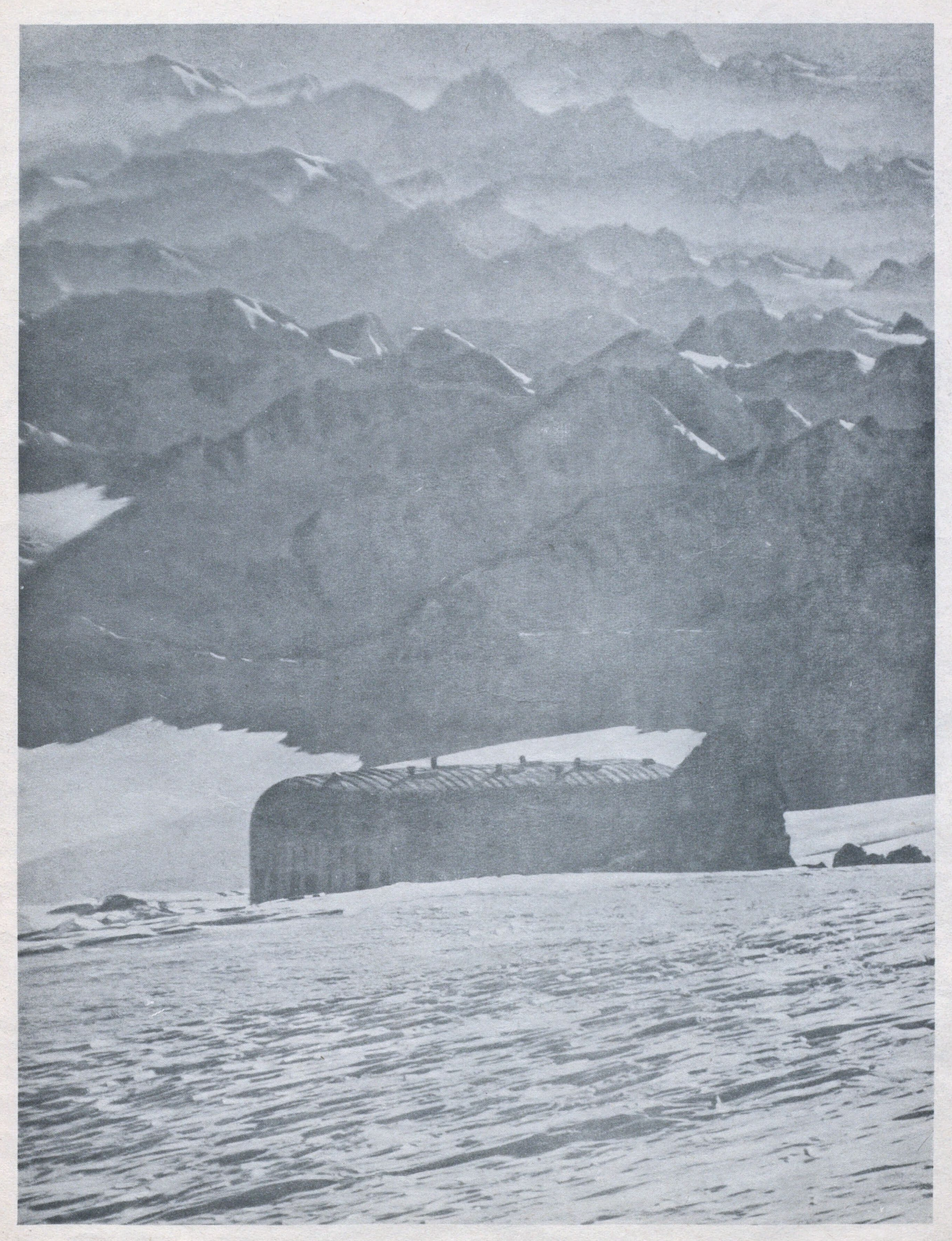
2. Волк. 3. Очки. 4. Аким. 5. Итата. 6. Шуман. 7. Винт. 8. Елец. 9. Крит. 10. Висок. 11. Техас. 14. Телеграмма. 15. Мадагаскар. 17. Вереница. 18. Паганини. 19. Ливия. 20. Макаров. 21. Радом. 22. Антракт. 23. Курск. 24. Риторика. 25. Путаница. 26. Гончаров. 29. Некрасов. 37. Анод. 38. Пион. 45. Дом. 47. Ротатор. 48. Пат. 50. Минор. 51. Набоб. 52. Лоток. 53. Вагон. 55. Сойер. 56. Ропот. 57. Фужер. 58. Норма. 61. Род. 62. Лис. 67. Молекула. 68. Резиденция. 70. Вол. 72. Лес. 74. Контратака. 75. Аэростат. 77. Украинец. 78. Имитация. 79. Рагу. 80. Марс. 82. Операция. 83. Тринидад. 85. Карадаг. 86. Теорема. 93. Финик. 95. Скала. 96. Изида. 103. Медея. 105. Лоция. 108. Анапа. 109. Гамма. 111. Каир. 112. Цирк. 118. Чили. 114. Фтор. 115. Норд. 116. Соло.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-39-01, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

А 35251. 3 п. л. Зн. в п. л. 105 000. Изд. № 74. Подписано к печати 3/I—41 г. Зак. № 4241. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«Приют 11-ти» на Эльбрусе. Фото И. Тункель

ОГОНЕК

Цена 50 коп.

Заслуженная артистка РСФСР
М. И. Бабанова в роли Ларисы
(„Бесприданница" А. Островского в
Московском театре Революции)
Фото Б. Фабисовича.